



В. П. ВОЛК-КАРАЧЕВСКИЙ

УБИТЬ ИМПЕРАТРИЦУ ЕКАТЕРИНУ II



КТО
ПРАВИТ
МИРОМ

БОЛЬШОЙ ЗАГОВОР

ПРИГОВОРЕННЫЕ ИМПЕРАТОРЫ

Большой заговор. Приговоренные
императоры. Убить императрицу Екатерину II

В. П. Волк-Карачевский

Кто правит миром

«Бутромеев В.В.»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Волк-Карачевский В. П.

Кто правит миром / В. П. Волк-Карачевский — «Бутромеев В.В.», 2019 — (Большой заговор. Приговоренные императоры. Убить императрицу Екатерину II)

ISBN 978-5-905748-02-8

Вторая часть романа-хроники «Большой заговор. Приговоренные императоры. Убить императрицу Екатерину II» описывает исторические события с момента царствования Екатерины II, создания первого масонского государства в Северной Америке и великой масонской революции во Франции до наших дней и является продолжением романа «Пелевин и пустота. Роковое отречение». В центре повествования – судьбы правителей России и тех государственных деятелей Европы, которые оказались на пути масонов к мировому господству. Все правители России от Екатерины II до Николая II пали жертвами тайных сил, шаг за шагом продвигавшихся к своей цели. Русские императоры были приговорены к смерти, как некогда французские «проклятые короли», поплатившиеся жизнью за разгром ордена тамплиеров, возродившегося во всемирном сообществе франк-масонов. Первые книги посвящены истории убийства императрицы Екатерины II и её фаворита, светлейшего князя Потёмкина, а также королю Франции Людовику XVI и королеве Марии Антуанетте, сложившим головы на эшафоте, и выходу на историческую арену Наполеона Бонапарта, положившего на полях сражений миллионы голов.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-905748-02-8

© Волк-Карачевский В. П., 2019

© Бутромеев В.В., 2019

Содержание

| | |
|---|----|
| КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ СЕРИЙ | 7 |
| ПРЕДИСЛОВИЕ, | 13 |
| I. ИЗ РАСШИФРОВАННЫХ ДИАЛОГОВ | 17 |
| 1. СМЕРТЕЛЬНЫЙ КАЛАМБУР | 17 |
| 2. СВОЯ ИГРА | 21 |
| Французские генеральные штаты, французские парламенты и французский народ | 24 |
| II. В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ | 30 |
| 1. МЕЧТЫ, И ПЛАНЫ, И ИНТРИГИ | 30 |
| 2. КАРЛ ДОЛГОРУКОВ | 33 |
| 3. ЧТО НЕ СЛУЧИТСЯ МЕЖДУ РОДСТВЕННИКАМИ | 36 |
| 4. КАРЛ ДОЛГОРУКОВ И ТОЛСТОЙ | 38 |
| 5. У КАЖДОГО СВОЯ ИНТРИГА | 40 |
| 6. НАСЛЕДСТВО КНЯГИНИ ТВЕРСКОЙ | 42 |
| 7. ПОЛЕНЬКА | 44 |
| 8. О КРЕДИТОРЫ! | 46 |
| 9. В НАДЕЖДЕ НА ХАРАКТЕР | 48 |
| 10. КОГДА СОБЕСЕДНИКИ НЕ ПОНИМАЮТ ДРУГ ДРУГА | 49 |
| 11. КОГДА СОБЕСЕДНИКИ ПОНИМАЮТ ДРУГ ДРУГА | 52 |
| 12. НАДЕЖДЫ ЮНОШЕЙ | 55 |
| 13. КТО ЖЕ ТАКОЙ СОКОЛОВИЧ? | 58 |
| 14. РОДСТВЕННИЧЕК | 60 |
| 15. РУССКИЙ ТАЦИТ | 63 |
| 16. АХ, ВОТ ТЫ О ЧЕМ! | 66 |
| 17. БЛИЖЕ К ДЕЛУ | 69 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 72 |

В. П. Волк-Карачевский

Кто правит миром

© Волк-Карачевский В. П., текст, 2019

© Внешнее и внутреннее художественное оформление, ТГВБ, 2019

* * *



КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ СЕРИЙ

Конец XVIII века. Масоны, успешно создав свое первое государство – США, готовят революцию во Франции, чтобы подчинить себе всю Европу. Их главная задача – нейтрализовать Россию, так как Екатерина II и Потемкин, осуществляя «греческий проект» по восстановлению Византийской империи со столицей в Константинополе-Царьграде и планируя раздел Турции, Польши и Швеции, могут помешать революции.

Верховным масонам известно, что существует отречение Анны – дочери Петра I, согласно которому и Петр III, и великий князь Павел Петрович, и его сын, будущий Александр I, не имеют законных прав на российский престол, не говоря уже о самой Екатерине II, которая захватила трон силой, вопреки всяким законам.

Поручик в отставке Соколович, тайный глава всех масонов России, вместе со своим братом-близнецом хочет разыскать этот документ, чтобы с его помощью подчинить себе Екатерину II, а потом, устранив верховных масонов, самому захватить власть над миром.

Отречение Анны находится у скрывающегося в провинциальной глуши майора Нелимова. Почти пятнадцать лет тому назад он вместе с князем Шумским неудачно пытался возвести на престол достигшего совершеннолетия великого князя Павла I, чтобы, отстранив от власти и его, избрать на Земском соборе настоящего русского царя.

Дочь майора Катенька Нелимова – фрейлина при дворе великого князя. Все считают ее любовницей Павла I, с которым у нее всего лишь платонический роман, а влюблена она в своего родного брата Александра Нелимова. На самом деле Александр – сын князя Шумского, погибшего во время неудавшегося переворота, о чем Катенька не знает.

Княгиня Тверская, грозная хозяйка всей округи, назначила Александра – юного местного донжуана – женихом своей племянницы, робкой красавицы Поленьки, наследницы огромного состояния княгини. Юноше приходится разрываться между Поленькой – он питает к ней искреннюю симпатию – и своей соседкой бесприданницей Оленькой Зубковой, с которой они пережили первую отроческую влюбленность. Неотразимая красавица Оленька, потерпев поражение в неравной борьбе за жениха, уезжает в Москву, чтобы выйти замуж за богача и тем самым отомстить обидчикам. Не в силах преодолеть своих чувств к Александру, она возвращается домой, где он спасает ее от нападения разбойников. Ночь любви соединяет молодых людей, но ненадолго. Александр узнает тайну отречения Анны, которую майор Нелимов скрывал, чтобы не втянуть его в опасную интригу. Теперь все его мысли связаны с борьбой за трон. Он не собирается жениться на Оленьке, тем более что Катенька Нелимова – он ее считает своей родной сестрой – с детских лет ненавидит Оленьку, подозревая в ней соперницу. Александр же во всем послушен своей любимой сестре.

Оленька случайно находит в поясе убитого разбойника бриллианты и, внезапно сказочно разбогатев, покидает родные места – она по-прежнему надеется вернуть себе своего возлюбленного любыми, даже самыми коварными способами.

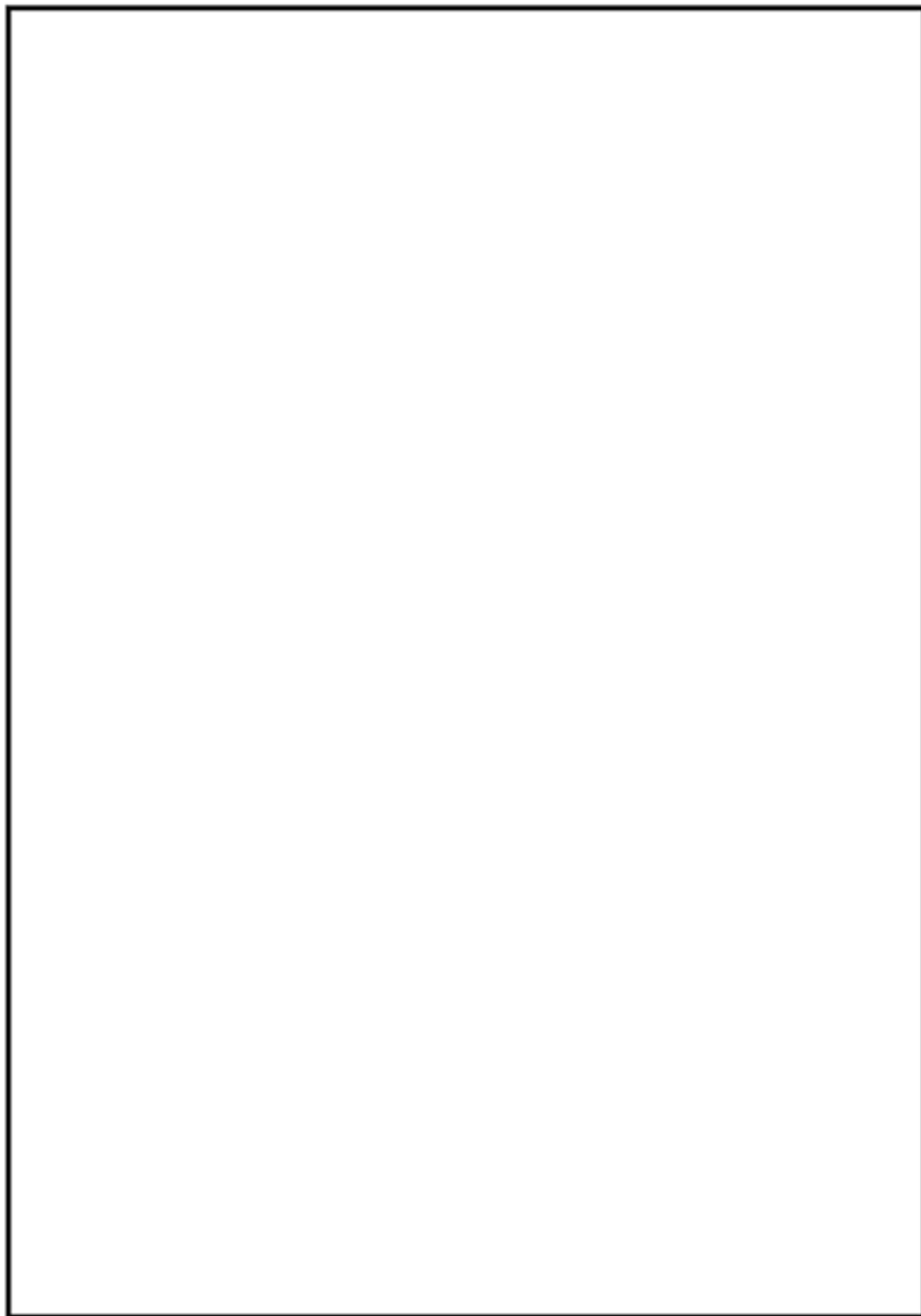
Тем временем верховные масоны возводят Соколовича на одну из высших ступеней масонской иерархии. Верховные масоны подталкивают Турцию и Швецию к войне с Россией, чтобы отвлечь ее от готовящейся французской революции. Если же Екатерина II и Потемкин по-прежнему будут мешать им, Соколович должен «снять их с шахматной доски», то есть убить.

Соколович ведет свою игру. Пятнадцать лет тому назад он по просьбе Екатерины II предотвратил переворот, подготовленный майором Нелимовым. Теперь перед Соколовичем стоит задача дестабилизировать ситуацию в России, добыть отречение Анны, сделать Екатерину II своим послушным орудием. Для того чтобы императрица опять обратилась к нему за помощью, он хочет довести до конфликта отношения между Екатериной II и ее сыном Павлом

I. Парижские агенты Соколовича выкрали у барона Гримма письмо Екатерины II, в котором она мимоходом сообщает о намерении короновать своего внука Александра I в обход его отца, страстно мечтающего о троне Павла I.

Соколович разработал план, как с помощью ничего не подозревающего выходца из России Николя Костени передать похищенное письмо императрицы Павлу I. Сделать это можно только через камер-юнкера Ростопчина: он, несмотря на молодость, умеет рассчитывать свои действия на много ходов вперед. Но и верховные масоны тоже не дремлют.

Подробнее все эти события были описаны в книге [«Пелевин и пустота. Роковое отречение»](#).



Страница, заимствованная из романа-лексикона в 100 000 слов М. Павича «Хазарский словарь» (Мужская версия). Как и в романе М. Павича, эта страница помещена в начале книги. Но, под ней никто не спит вечным сном. Это обычная цитата из произведения автора, любимого многими читателями.

Жану де Лабрюйеру¹²,

¹ Я знаю, читатель не любит разного рода примечания, пояснения, приложения и дополнения. Даже не то чтобы не любит,

прославившемуся знанием разнообразия человеческих характеров и нравов, а также пониманием тонкостей незыблемых законов книготорговли, посвящает эту и все последующие книги автор, преисполненный благодарности и надежд, пусть себе даже и не всегда оправданных, но тем не менее согревающих душу.

Теория заговора³ имеет такое же право на существование, как и все теории, изо всех сил ее опровергающие, но, несмотря на свой всеобщий против нее заговор, так ничего и не сумевшие опровергнуть.

Теория заговора объясняет ход истории человеческой с той же достоверностью, с которой небесная механика известного англичанина Ньютона объясняет движение планет вокруг Солнца. Можно сколько угодно отрицать Ньютона и находить неточности в его формулах, но планеты не прекратят движение по своим орбитам, невзирая на опровержение причин, заставляющих их совершать сие движение, совершенно не обращая внимания ни на самые точные расчеты этих орбит, ни на самые новейшие изыскания всех астрономов со всеми их телескопами.

Из частного письма.

Какой роман моя жизнь!⁴

Слова, приписываемые Наполеону Бонапарту, которые вполне могли бы сказать и императрица Екатерина II Алексеевна⁵, и светлейший князь

а не склонен их читать. И надо сказать, совершенно напрасно. Конечно, заставлять и принуждать читателя – упаси Боже, смертный грех для писателя, да и дело, в общем-то, бесполезное: читатель вольный стрелок, ему не укажешь, и уговорами не возьмешь. Уж прочел бы он основной текст сочинения, куда там до примечаний, пояснений и страх сказать – приложений и дополнений! Поэтому все свои усилия и хлопоты писатель и прилагает к основному тексту сочинения. Текст этот должен обладать привлекательностью, и даже изяществом, и некоторой стройностью. И даже как бы потакать вкусам и пристрастиям читателя, давать ему стимул – о великий и первородный язык древних греков! – к тому, чтобы переворачивать страницу за страницей. Поэтому писатель и угождает читателю. Ну, хочется ему про нежные тревоги девичьего сердца – будет и про нежные тревоги. Нравятся ему – о Боги! – убийства, коварства и интриги – будет ему и про это. Такова уж доля писателя: не так пиши, как хочется, не так, как может, а так, как надобно. И я совсем не так жесток, как граф Л. Н. Толстой. Да и он, хотя и отличался упрямством характера, а тоже колебался, и то включал философические свои размышления в основной текст, то выносил в примечания. Ведь это очень удобно. Ну не хочется кому-то философских изысков – и не заглядывая в них. А захочется – открывай да и читай себе сколько душе угодно. Исходя из этого, я, уже совершенно не колеблясь, и вынес все, что только мог в приложения и пояснения, примечания и дополнения. А что показалось не столь увлекательным в основном тексте, отметил курсивом, чтобы разборчивому читателю легче пропускать то, что не по вкусу или вроде бы не интересно. Но не все же пропускают. Ведь разные бывают и читатели. Иной возьмет да и прочтет и примечания. И ничего, между прочим, не потеряет, а только приобретет тьму сведений познавательного характера, что никому не в тягость и даже, наоборот, многие из этих сведений могут быть чрезвычайно полезными и пригодятся в дальнейшей, по нынешним временам, многотрудной читательской жизни, а то даже и повлияют на его судьбу, такую непостоянную, капризную и переменчивую, что иной раз и не знаешь, чем запастись в расчете на ее зигзаг и неожиданные повороты.

² *Жан де Лабрюйер* – Жан де Лабрюйер (1645–1696), французский писатель, автор знаменитой книги «Характеры, или Нравы нашего века», в которой обнаружил не только знание психологии, но и понимание суровых и непредсказуемых законов книготорговли. Посвящение Лабрюйеру не случайно; автор питает особое пристрастие к тонкой иронии и глубокой проницательности, казалось бы, беспечного француза.

³ *Теория заговора...* – Источник не установлен.

⁴ *Какой роман...* – Слова, приписываемые Наполеону Бонапарту (1769–1821), но, как справедливо отмечено, слова эти могли сказать о своей жизни довольно многие известные в XVIII веке люди, в том числе и указанные в подписи к этому эпитафю. Как стало впоследствии известно, автор намеревался эпитафю ко всей серии романов (или многосерийному роману, по авторскому определению) взять строки: О чем, прозаик, ты хлопчешь? Давай мне мысль какую хочешь: Ее с конца я завострю, Летучей рифмой оперю, Взложу на тетиву тугую, Послушный лук согну в дугу. А там пошлю наудалую, И горе нашему врагу! (Стихотворение А. С. Пушкина (1799–1837) «Прозаик и поэт». 1825 г.). Однако, чтобы не вводить в заблуждение читателя, который мог бы принять многосерийный роман за роман в стихах наподобие «Евгения Онегина», автор сделал выбор в пользу фразы Наполеона, несмотря на то, что к самому Наполеону не питал никаких симпатий.

⁵ *Екатерина II Алексеевна* – София Фредерика Августа Анхальт-Цербстская, в замужестве Екатерина II Алексеевна

Потемкин⁶, и поэт Гавриил Державин⁷, и поэты Шиллер⁸ и Гёте⁹, а также знаменитые проходимцы: граф Мирабо¹⁰, Талейран¹¹, наивный Лафайет¹², дочь банкира Неккера мадам де Сталь¹³, сам господин Неккер¹⁴, так удачно

(1729–1796), после смерти мужа от геморроидальных коллик (императора Петра III Федоровича (1728–1762)) – российская императрица. Ах, Боже мой! Написав это имя, я с трудом удерживаюсь от того, чтобы отложить в сторону свое с таким размахом начатое сочинение и тут же взяться за другое, посвященное только великой императрице, и только ей одной! С каким бы упоением рассказал бы я, как она совсем еще, можно сказать, юным, но любопытным подростком попала из далекой Германии в заваленную снегом Россию, где многие хотя и понимали по-немецки и даже по-французски, но только и делали, что говорили по-русски, где ее ждали и горести и обиды – и великое будущее; ведь в отличие от трудолюбивой, аккуратной, содержащей в строгом порядке все, что ни попадись под руку, но маленькой Германии – да еще как на грех и раздробленной, по числу дней в году, на 365 княжеств, один список которых устанешь читать, а запомнить их все под силу только человеку, обладающему поистине немецким усердием, так вот в отличие от этой Германии, Россия – страна великая, безалаберная, погрязшая в лени и беспорядках, где никогда ничего не положат на место, а если по случаю и положат, то потом по забывчивости и разгильдяйству все равно не сыщут на этом месте – но страна огромная, великая, и все в ней великое, в том числе и будущее, ожидавшее Екатерину, так потом для простоты и удобства и названную Екатериной Великой. Но я удержусь от соблазна отложить свое сочинение в сторону. Во-первых, из позаимствованного у все тех же немцев пристрастия к порядку, то есть из выработавшейся под их, немцев, влиянием привычки доводить до конца начатое дело, или хотя бы стараться, или хотя бы делать вид, что стараюсь – по крайней мере, для соблюдения приличий; не беря в пример какого-нибудь – пусть себе даже и графа – Л. Н. Толстого, размахнувшегося на предисловие (называется «Война и мир»), а самого романа о смутянах, взбунтовавшихся от унылости коротких декабрьских полуношных дней в пронизываемом холодными ветрами призрачном городе, построенном спяну царем Петром на время от времени текущей вспять реке Неве, дальше первоначальной наброска первых глав так ничего и не написавшего по своей барской лени; и даже А. С. Пушкина, который писал, не в пример графу, коротко и складно, даже о тех же вспять обращенных водах Невы, но так и не дописал своего искрометного романа. Во-вторых, потому что мое сочинение будет столь пространно, что в нем хватит места и Екатерине Великой, как бы велика она ни была и сколько бы места ей со всеми ее скромными и нескромными спутниками не потребовалось. И в-третьих, я знаю, что читатели не любят сочинений, в которых одно действующее лицо. Им подавай побольше героев и героинь – и здесь я готов идти на поводу у читателей, готов к их неусыпному вниманию, снисходительности и любопытству, надеясь, что, удовлетворив их капризы и прихоти, смогу рассчитывать на увеличение числа этих самых читателей, число коих я мысленно сопоставляю с тиражом, который согласно закону, открытому одним чудаковатым, но пристрастным к разного рода вычислениям англичанином, прямо пропорционален гонорару – хотя его, гонорар, не так-то легко выколотить из никогда не переводящихся на нашей грешной земле издателей-книгопродавцев. Поэтому героев и персонажей в моем повествовании будет не просто много – их будет множество.

⁶ *Князь Потемкин* – Григорий Александрович Потемкин (1739–1791), вопреки своей фамилии, имевший титул Светлейшего и многие другие титулы и звания, о которых подробно будет сказано в основном тексте. О Потемкине часто пишут, что он был тайным мужем императрицы Екатерины II Алексеевны, что совершенно не так, ибо кто же в России да и за ее пределами не знал этой тайны?

⁷ *Гавриил Державин* – Гавриил Романович Державин (1743–1816), по предкам своим татарского происхождения, по горячности и поэтической восторженности и пылкому правдолюбию совершенно русский человек. Кем он только не был! Начав службу с того, что по ошибке был записан из казанских гимназистов в рядовые лейб-гвардии Преображенского полка, он служил и губернатором, и кабинет-секретарем императрицы Екатерины II, целую неделю числился фаворитом императора Павла I, а при императоре Александре I занимал должность министра юстиции и члена Государственного совета. Ловкость рук картежного шулера помогала ему в делах материальных, возвышенный полет мысли поэта – в духовном прозрении и величии первого поэта России.

⁸ *Шиллер* – Иоганн Фридрих Шиллер (1759–1805), великий немецкий поэт, сам даже не предполагавший, сколь популярен он в России.

⁹ *Гёте* – Иоганн Вольфганг Гёте (1749–1832), великий немецкий поэт; шурина его прославился на всю Европу романом о знаменитом храбром и благородном разбойнике Ринальдо Ринальдини, покорителе сердец юных барышень.

¹⁰ *Граф Мирабо* – Оноре Габриель Рикети Мирабо (1749–1791); отец долгое время пытался держать его в тюрьме, но, в конце концов, Мирабо сумел вырваться на волю и поразить мир своими феноменальными пороками. Он был вождем Французской революции и ее кумиром, но когда после смерти графа нашли документы, свидетельствующие, что он получал плату как тайный агент короля, поклонники отреклись от необычного графа, депутата третьего сословия в Генеральных Штатах.

¹¹ *Талейран* – Шарль-Морис Талейран-Перигор (1754–1838), воплощение лжи, пороков, разврата и низкого лакейства и предательства, прославившийся как величайший дипломат. Он хромал на одну ногу, то ли потому, что повредил ее в детстве, то ли чтобы иметь более полное сходство с дьяволом.

¹² *Лафайет* – Мари Жозеф (1757–1834), маркиз, действительно веривший во все то, что ему говорили о свободе и равенстве и все время путавшийся под ногами у тех, кто боролся за власть – и во всем мире, и во Франции. Наполеон называл его «наивным кретином», и это было очень близко к правде.

¹³ *Мадам де Сталь* – в девичестве Анна Луиза Жермена Неккер (1766–1817), краткое время преследовавшая Наполеона попытками переспать с ним, несмотря на огромную разницу в росте и весе, и, ничего не добившись, всю жизнь изображавшая, будто Наполеон преследует ее по политическим мотивам.

погревший руки на развале королевской Франции, господа парламентские ораторы, не дававшие спуску друг другу Питт¹⁵ и Фокс¹⁶, князь Репнин¹⁷, граф Румянцев¹⁸ вместе с сыновьями¹⁹, стар и млад семейства Разумовских²⁰, граф, князь и канцлер Безбородко²¹, в конце концов достигший всего, но не того, чего больше всего хотелось, император Павел I²² и его сын Александр²³, художник Гойя²⁴, вездесущий Бомарше²⁵, король Людовик XVI²⁶, его супруга Мария Антуанетта²⁷ и, конечно же, Катенька Нелимова²⁸, милая автору непосредственностью и бесхитростной живостью желаний восторженного сердца.

Как, впрочем, и многие другие персонажи, оставившие свои имена на потрепанных временем страницах истории, беспристрастно изложенной в настоящем сочинении.

¹⁴ *Неккер* – Жак (так он назвал себя на французский манер) Неккер (1732–1804), банкир из Женевы, в самом деле хорошо погревший руки на развале Франции.

¹⁵ *Питт* – Уильям Питт Младший (1759–1806), премьер-министр Великобритании в 1783–1801 и 1804–1806 годах. Умудрился ненавидеть сразу и Наполеона, и Россию, умер не пережив известия о победе Наполеона под Аустерлицем над войсками союзников – Австрии и России, которым он платил деньгами из английской казны.

¹⁶ *Фокс* – Чарлз Джеймс Фокс (1749–1806), лидер партии вигов в английском парламенте. Согласно порядкам, введенным в этом парламенте, Фокс, выступая с речами, говорил все противное, то есть противоположное тому, что говорил Питт. Оба они были любителями поест. Победа Наполеона при Аустерлице ничуть не расстроила Фокса. Но тем не менее умер он в один год с Питтом, что стало одной из загадок для историков; предполагали даже, что Фокс умер от скуки, не имея более возможности перечить Питту.

¹⁷ *Князь Репнин* – Николай Васильевич Репнин (1734–1801), генерал-фельдмаршал и посол в Польше, где он так набедокурил, что бедная Польша, в конце концов, развалилась. Потемкин держал Репнина как своего заместителя, хотя тот и был отчаянным масоном, но Потемкин считал, что лучше иметь дело с Репниным, чем с генерал-фельдмаршалом Румянцевым-Задунайским.

¹⁸ *Румянцев* – Петр Алексеевич Румянцев-Задунайский (1725–1796), граф и генерал-фельдмаршал, внебрачный сын императора Петра I Алексеевича, победитель турок при Рябой Могиле, Ларге и Кагуле. К концу жизни он возненавидел свою сестру, подругу императрицы Екатерины II Алексеевны, бывшую замужем за Я. А. Брюсом, – «Брюсиху» и стал холоден к своим сыновьям.

¹⁹ *...вместе с сыновьями...* – Николай Петрович Румянцев (1754–1826) и Сергей Петрович Румянцев (1755–1838).

²⁰ *...стар и млад семейства Разумовских...* – Семейство Кирилла Григорьевича Разумовского (1728–1803), графа и разжалованного гетмана, брата фаворита и морганатического супруга императрицы Елизаветы Петровны (1709–1761/1762), свинопаса и певчего Александра Григорьевича Разумовского (1709–1771).

²¹ *Безбородко* – Александр Андреевич Безбородко (1747–1799), хитрый хохол, секретарь императрицы Екатерины II Алексеевны, всю жизнь завидовавший Потемкину и всеми силами души мечтавший попасть в постель императрицы, но даже в мечтах не надевавшийся на это.

²² *Павел I* – Павел Петрович (1754–1801), великий князь, с 1796 года император, сын императора Петра III Федоровича и его жены – императрицы Екатерины II Алексеевны, родившийся незадолго до смерти своего отца от геморроидальных коллик.

²³ *Александр* – Александр Павлович (1777–1825), великий князь, с 1801 года император, старший сын Павла I Петровича и любимый внук императрицы Екатерины II Алексеевны.

²⁴ *Гойя* – Франсиско Хосе де Гойя (1746–1826), великий испанский живописец, первый из испанских художников изобразивший обнаженную женскую натуру не только сзади, как это в свое время сделал великий Родригес де Сильва Веласкес (1599–1660), но и спереди.

²⁵ *Бомарше* – Пьер Огюстен Бомарше (1732–1799), один из величайших проходимцев, подвизавшихся во всех темных делишках своего бурного века и прославивший прохиндейство в пьесах о цирюльнике Фигаро.

²⁶ *Людовик XVI* – Людовик XVI (1754–1793), король Франции из династии Бурбонов, внук короля Людовика XV.

²⁷ *Мария Антуанетта* – Мария Антуанетта (1755–1793), дочь австрийского императора Франца I (1708–1765) и Марии Терезии (1717–1780), королева Франции.

²⁸ *Катенька Нелимова* – главная героиня настоящего сочинения. Согласно мнению многих исследователей, прототипом Катеньки Нелимовой называют Екатерину Ивановну Нелидову (1756–1839), камер-фрейлину императрицы Марии Федоровны (1757–1828), воспитанницу Смольного монастыря, выпущенную из него в 1777 году, а с 1796 года – камер-фрейлину императорского двора, признаваемую всеми фавориткой императора Павла I Петровича. Мнение основательное, на что указывает и сходство фамилий – Нелидова – Нелимова, и сходство имен.

ПРЕДИСЛОВИЕ,

в котором автор неторопливо размышляет об Истории и о своих задачах, из этих размышлений вытекающих

В конце известного пылкостью чувств и склонностью к просвещению и так любимого мною XVIII века в России²⁹ и в странах, от нее значительно удаленных, произошли события, вызвавшие последствия, которые ни много ни мало изменили мир: карта Европы украсилась названиями новых государств, вместо бабских с серебряными пряжками мужчины стали носить совсем другую обувь, женщины забросили шляпки, напоминающие чепчики, и надели на свои прелестные головки нечто совсем не похожее на то, чем они раньше надеялись привлечь нескромные взоры. Ну а никогда не дремлющие историки торопливо вписали в свои книги множество новых имен; часть же имен, раньше не сходявших с кончиков их остро отточенных перьев, остались только в книгах, написанных до всех этих событий, а если и упоминались теперь, то все реже и реже.

А уж как перепутались жизненные пути простых людей, чьи имена не внесены ни в какие книги, кроме метрических, людей, никому не известных, но дорогих родным и близким, включая иногда и добрых соседей. Многие романтические девушки не дождались своих возлюбленных и вышли замуж совсем не за тех, о ком мечтали на заре туманной и полной неясных надежд юности; некогда состоятельные господа обеднели, иные и вовсе разорились, а один подававший надежды стихотворец спился и умер в изъеденной мышами безвестности, не удостоившись бронзовых бюстов на шумных площадях столицы и мраморных изваяний в тихих залах библиотек. Так порой случается раз в три-четыре столетия, а то и чаще. Мир меняется.

И если ты, мой не лишенный любопытства читатель, запасешься терпением и усердием и, одолевая страницу за страницей настоящего сочинения, проследишь ход этих событий в их стремительном развитии, то увидишь чудесную картину, – ее по примеру одного легкомысленного француза, ко всему еще наделенного поистине африканским темпераментом³⁰, я хочу повесить на надежный гвоздь Истории³¹.

Что есть история? Некоторые считают, и весьма упорно, что это взаимосвязь причин и следствий, вытекающих из строгих и неизменных законов. И не только считают, но и излагают свое мнение, часто очень пространно, с многими подробностями, и весьма успешно – в том смысле, что находятся издатели, которые печатают их труды (именно труды, но никак

²⁹ ...в России... – Если быть точным, – а точность вопреки всему прежде всего! – то в Европе, включая Скандинавию – эту маленькую часть света на отшибе той же Европы (как сама она на отшибе Азии, называемой европейцами в угоду самим себе Евразией) – и включая Турцию, которая, как и Скандинавия по отношению к Европе, расположилась на отшибе и Европы и собственно Азии, на полуострове, который так и назвали – Малая Азия, потому что он, этот полуостров, намного меньше самой Азии с ее Индией, Аравией, недоступным Китаем с его шелковичными червями и неистребимыми, как саранча, китайцами и с ни кому не известной Японией с ее странными поэтами – но, к слову сказать, Малая Азия куда как побольше всех вместе взятых полуостровов (да и островов в придачу) Греции, которая когда-то дала названия всем этим частям света, включая и Россию, переделав ее имя-название в патриаршей канцелярии на свой, уже византийско-греческий манер.

³⁰ ...африканским темпераментом... – Пытливый и осведомленный читатель легко догадался, что автор говорит об А. Дюма-отце (1802 – 1870), перу которого принадлежит множество романов, отличающихся легкой манерой изложения исторического материала. А. Дюма, как и некоторые другие писатели, по отцу был происхождения африканского.

³¹ ...гвоздь Истории... – Восходит к знаменитой фразе А. Дюма-отца (см. выше) «История для меня – это гвоздь, на который я вешаю свою картину», – как всегда, стараюсь цитировать по памяти, это гарантирует точность смысла, иногда в ущерб буквальности, презираемой как великими романистами всех мастей, так и их верными читателями. Читатели жаждут не приземленной буквальности, а возвышенных тайн, влекущей интриги и пикантных подробностей, от них часто скрываемых; а уж романисты как чумы бегут буквальности, они стремятся произвести впечатление – и в порыве своей мятежной души и в надежде на гонорар, дающий возможности блистать среди восторженных женщин.

не сочинения), и благодаря тому, что труды эти многотомны, а тома внушают уважение весом и толщиной, ими, этими томами, удобно заполнять полки библиотек.

И уже другие, следующие в порядке очереди историки, напрочь лишенные французского легкомыслия и тем более африканского темперамента, снимают покрытые пылью фоллианты с полок, изо всех сил ворошат страницы, анализируют факты, сопоставляют цифры и делают совершенно новые выводы и неопровержимые, даже парадоксальные заключения. И все это движется подобно священной реке, суровым торжественным потоком, застывая в незыблемых гранитных берегах триумфальных арок, парадных порталов и заново отштукатуренных фасадов.

Что касается меня, то я, мой снисходительный и благожелательный читатель, скромно держусь в сторонке от этого неумолимого в своей величавой вечности потока.

Волей-неволей мне пришлось прочесть так много томов исторических трудов, что изложенные в них факты я по большей части уже забыл, а цифры, по свойственной мне беспечности, безнадежно перепутал. Волей, потому что читал я их, в общем-то, по своей охоте, подталкиваемый природным любопытством, приобретенным по ходу продвижения от счастливого и беззаботного младенчества к наивному детству, а от детства к непоседливой юности и зрелым летам, достигнув коих я обнаружил несметные и всевозрастающие запасы этого самого любопытства, требовавшего ответов на множество вопросов, – ответы на многие из них мне удалось найти сначала с помощью милых и беззаботных девушек, а потом догадливых и, что очень важно, предусмотрительных женщин. Но часть вопросов оставались без ответов, и ответы на них я доверчиво понадеялся отыскать в толстых книгах, по скупости, свойственной издателям, обычно не снабженных картинками, хотя иногда в них попадались гравюры и гравированные же портреты³².

Ну а невольно, потому что перелистывать сотни и тысячи страниц приходилось себя заставлять: уж больно было скучно. И тем не менее, благодаря усердию (к которому призываю и тебя мой неустанно ищущий высоких истин читатель), перелистав множество исторических трудов, я обнаружил, что факты и цифры и даже глубокомысленные выводы совсем не есть История, а только всего лишь одежды Истории, часто строгие, сверкающие и блестящие и даже расшитые золотыми галунами, как ливреи важных лакеев, иногда подызосившиеся и лоснящиеся в некоторых местах от долгого употребления, а иной раз это и просто лохмотья, ветхие и сверкающие не золотом и серебром, а зияющими дырами, порой гордо выставляемыми на всеобщее обозрение по примеру Антисфена³³, одного из не очень известных учеников прославленного древнегреческого философа Сократа³⁴, наставника знаменитого Диогена³⁵. А вот под этими одеждами и скрыто главное, суть и сущность Истории. Что же это? Интрига, интрига и еще раз интрига, догадливый мой читатель.

³² ...портреты... – Уж не знаю, как издатели, а я, не стесненный необходимостью сводить кредит и дебет, и не обремененный, по склонности к легкой рассеянности, заботами о сальдо, помещал бы в сочинения любого рода – в свои тем более и в первую очередь и даже настаиваю на этом – побольше картинок, включая планы и карты, как географические, так и изображения игральные, которыми многие очень интересуются. Книжки с картинками куда интереснее книжек без картинок. Книжки с картинками легче читать, их можно даже и не читать, а просто перелистывать, разглядывая картинки и полеживая себе на диване, – все равно интересно.

³³ Антисфен – древнегреческий философ Антисфен (444 – 366 гг. до н. э.), сын фракийской рабыни, ученик Сократа, основоположник философской школы киников (циников), учитель и наставник знаменитого философа Диогена. Вел аскетический образ жизни и очень любил выставять напоказ свой дырявый плащ, на что проницательный Сократ не однажды говаривал: «Сквозь дыры твоего плаща, Антисфен, я вижу твое тщеславие».

³⁴ Сократ. – Имеется в виду древнегреческий философ Сократ (470 – 399 гг. до н. э.), сын камнереза и повивальной бабки, приговоренный согражданами афинянами к смертной казни по обвинению в растлении юношества. Многие историки утверждают, что обвинение было ложным, а засудили Сократа за то, что он подверг нападкам принципы демократии и некоторые общественные обычаи. Но тем не менее Сократ выпил чашу цикуты – так, согласно все тем же обычаям, в Древней Греции осуществлялась смертная казнь.

³⁵ Диоген. – Имеется в виду древнегреческий философ Диоген Синопский (412 – 323 гг. до н. э.), начинавший свою жизненную карьеру фальшивомонетчиком, но позже занимавшийся философией. Ученик философа Антисфена, учение которого

Слово «интрига», как и всякое достойное уважения слово, происходит из древнегреческого языка³⁶ и в точном переводе значит «пружина», точнее – «опасная пружина» и еще точнее – «опасно сжимаемая пружина».

Сжимают ее люди, которым избыток желаний и все того же любопытства вкупе с обычной непоседливостью и еще кое-какими качествами и чертами характера не дают вести размеренно-обыденную жизнь в привычных делах и заботах, и потому-то они и сжимают и закручивают ее, эту пружину, до тех пор, пока она не разожмется и не подбросит вверх тормашками всех, кто сжимал ее, вместе с теми, кто мирно вращался в кругу спокойной жизни и ни во что не совал своего носа.

Вот тогда-то и меняется мир, со всеми его странами, башимаками и шляпками. А люди, нарядившись в новые одежды, опять начинают сжимать все ту же пружину, движимые все теми же желаниями, прихотями и чудачествами, которые сплетаются в цепочки, тянущиеся из прошлого в будущее, завязываются мелкими узелками, а время от времени затягиваются в сложнейший узел, и его потом приходится развязывать, распутывать, а то и разрубать мечом, как это сделал однажды нетерпеливый царь македонян Александр³⁷, благо меч у него всегда был под рукой, а решимости ему было не занимать.

Читателя, жаждущего скрупулезного разбора фактов и глубокомысленных выводов, я отсылаю к библиотечным полкам, заполненным трудами самых кропотливых историков, среди них преобладают немцы – безусловно, именно им, а не кому-либо еще нужно отдать пальму первенства, когда дело доходит до точности и глубокомыслия, по поводу, к примеру, непонятных, далеких звезд³⁸ на ночном небе и нравственного закона – а к чтению моего сочинения я приглашаю только любителей интриги.

Интриги, интриги и еще раз интриги, плаща и кинжала, любви и шаги.

Ибо, как и еще один француз³⁹ – он хотя и не обладал африканским темпераментом⁴⁰, но тем не менее не стеснялся присущей его соплеменникам легкости и простоты вкусов, – я тоже променял бы⁴¹ любые серьезнейшие исторические труды на разного рода подробности, особенно интимные и потому не вошедшие в официальные отчеты, реляции и манифесты.

Я держусь мнения, что именно они, эти интимные и тайные, а вследствие своей тайности малоизвестные⁴² подробности, и есть основа интриги всех событий. А интрига и есть

получило свое название по кличке Диогена – его называли Псом или Собакой – по-гречески «кион» или «цион»; отсюда и произошло название философской школы киников, или циников. Диоген в самом деле самый знаменитый из философов, потому что жил в бочке, ходил днем по городу с зажженным фонарем, кричал: «Ищу людей!» и называл себя космополитом, то есть гражданином мира.

³⁶ ...из древнегреческого языка... – Больше всего слов происходит именно из древнегреческого, ну еще из латинского.

³⁷ Александр – Александр Македонский (356 – 323 до н. э.), разрубивший мечом знаменитый Гордиев узел, завоевавший почти весь мир по подсказке философа Аристотеля, часто заблуждавшегося в своих выводах и утверждениях, что стало известно только впоследствии.

³⁸ ...далеких звезд... – Явный намек на немецкого философа И. Канта (1724–1804). В силу слабого здоровья Кант строго придерживался заведенного им порядка совершать перед сном прогулки и поэтому имел возможность время от времени посматривать на далекие звезды на вечернем небосводе, мерцание которых может навести на глубокие размышления не только философа.

³⁹ ...еще один француз... – Имеется в виду Проспер Мериме (1803–1870), автор знаменитой «Хроники царствования Карла IX» и многих других произведений. Мастерство Мериме ввело в заблуждение даже А. С. Пушкина (1799–1837), не причинив, правда, нашему великому поэту никакого ущерба, а только обогатив его, легкого и беззаботного даже в своих ошибках и заблуждениях.

⁴⁰ ...африканским темпераментом... – Подразумевается все тот же А. Дюма-отец (см. прим. на стр. 313). Но возможен намек на А. С. Пушкина, иногда упоминавшего, что со стороны матери он происхождения африканского.

⁴¹ ...поменял бы... – Проспер Мериме (см. прим. на стр. 314), ничуть не смущаясь, писал: «...я с удовольствием отдал бы Фукидиду за подлинные мемуары Аспазии или Периклова раба...»

⁴² ...малоизвестные... – Спешу уверить читателей, успевших ознакомиться с многочисленными историческими трудами, что они, эти труды, не только скучны, но и не полны. В них отсутствуют очень многие подробности, которых без труда можно набрать на пару-тройку томов сочинений. Смело заверить, что я в своих сочинениях не скрываю ничего, что могло бы представлять интерес для любопытного читателя.

История, что я и докажу тебе со следующей страницы, мой доверчивый, а главное, ленивый читатель: когда-то ты поленился прочесть какого-нибудь Карамзина⁴³ с Соловьевым⁴⁴ в придачу или Лависса и Рамбо⁴⁵, ну так не поленись полистать книгу, которую волею случая ты уже держишь в руках.

⁴³ *Карамзин* – Николай Михайлович Карамзин (1766–1826), автор «Истории государства Российского» в 12 томах – любопытнейшее, надо сказать, чтение для людей усидчивых и счастливо обладающих крепкими нервами.

⁴⁴ *Соловьев* – Сергей Михайлович Соловьев (1820–1879), автор «Истории России с древнейших времен» в 29 томах, для чтения которых необходимы все те же качества, что и для чтения трудов Н. М. Карамзина (см. прим. выше).

⁴⁵ *Лависс и Рамбо*. – Эрнест Лависс (1842–1922), Альфред Никола Рамбо (1842–1905) – французские историки, авторы «Истории XIX века» в десяти томах.

І. ИЗ РАСШИФРОВАННЫХ ДИАЛОГОВ

1. СМЕРТЕЛЬНЫЙ КАЛАМБУР

Увы, парламент не хочет⁴⁶ регистрировать королевские указы: парламент требует «штаты расходов».

«Штаты? – говорит один остроумный парламентарий, – Господа, по моему мнению, штаты, которые нам должны представить – это Генеральные Штаты».

Т. Карлейль.

И вот опять Амстердам или Венеция, Лондон или Париж, Мадрид или Женева, Рим или любой из этих городов, или какое-нибудь укромное поместье, или старинный замок с огнем в пылающем камине и те двое, о существовании которых не знает никто и над которыми уже нет никого – как правильно догадывается старший Соколович.

– Вся Франция требует созыва Генеральных штатов.

– Прекрасно! Замечательно! Кому пришла в голову эта мысль? Имя этого человека войдет в историю! Историки, скрипя перьями, запишут его во все летописи и анналы. Генеральные штаты не созывали лет двести?

– Да, лет двести. Когда-то Людовик XV⁴⁷ сказал, что зарезал бы родного брата, если бы тот посоветовал ему созвать Генеральные штаты.

– Кто же посоветовал это Людовику XVI?

– Не посоветовал, а потребовал.

– Кто?

– Парламент.

– Хорошо, парламент. Но парламент во Франции это ведь не парламент в обычном значении этого слова. Парламент у французов это и есть Генеральные штаты.

– Парламенты у них – собрания высших судебных чиновников. Они рассматривают судебные дела. Но в обязанности Парижского парламента входит регистрация законов, повелений короля, в том числе и о новых налогах. Члены парламента могут высказывать свое мнение по поводу того, что они регистрируют. Слово «парламент» в переводе с французского «парле» и означает «говорить». Это слово – парламент – французское, а не английское, в Англию его занесли французы времен завоевания ее Вильгельмом.

– Пусть так: гони парламент в дверь, он влезет через окно. Гони его в Англию, он вернется в Париж. Итак, французский парламент...

– Парижский парламент. Постоянное собрание судебных чиновников, каждый из которых купил патент на свою должность.

– Хорошо. Парижский парламент обсуждает... Что они обсуждали?

– Введение новых налогов. В казне нет денег. Государственный долг вырос до огромных размеров. И растет, потому что в стране множество привилегий. Это раздражает тех, у кого этих привилегий нет.

– Прекрасно. Они обсуждают, высказывают свои мнения и предлагают созвать Генеральные штаты. Но мне – и историкам в будущем тоже – интересно, кто первый сказал об этом? Имя

⁴⁶ Увы, парламент не хочет... – Цитата из четвертой главы «Эдикты Ломени» третьей книги «Парижский парламент» сочинения Т. Карлейля (1795 – 1881) «Французская революция. История» (1837).

⁴⁷ Людовик XV – король Франции (1710 – 1774).

этого человека. Что им двигало? Какая причина? Его вдруг озарило? Или он пришел к этому выводу, анализируя какие-то факты? Или ему подсказали эту мысль, идею, какие-то примеры? Имя, имя этого человека! Ведь не хором же потребовал Парижский парламент созыва Генеральных штатов! А если хором, то должен быть дирижер! Ведь всем этим процессом дирижируем мы с тобой. Это наша задача ввести в голову кому-то эту мысль, чтобы он ее – высказал, нашептал на ухо королю и подтолкнул его на эту дорогу к плахе, на которой уже лежит топор палача.

– Меч. Французы это делают мечом. И без плахи.

– Замечательно. Короля поставят на колени, палач взмахнет мечом и голова слетит с королевских плеч. Исполнится проклятие магистра тамплиеров Моле⁴⁸, сожженного на костре королем Франции Филиппом Красивым⁴⁹ и его прислушником Ногаре⁵⁰. Но начнется все это

⁴⁸ *Моле* – Яков-Бернар, или просто Жак, как часто пишут его имя. Последний Великий магистр, или мастер ордена тамплиеров, или Гроссмейстер с 1298 года. В 1306 году папа римский Клемент V, послушный королю Франции Филиппу Красивому и потому находившийся не в Риме, а в Авиньоне, вызвал Моле с Кипра, где он готовился к войне с сарацинами, во Францию. 14 сентября 1307 года секретным указом короля было предписано арестовать всех рыцарей тамплиеров. 13 октября 1307 года Моле арестовали и посадили на цепь в подвале башни Тампль. Под пытками он признался в предъявленных ему обвинениях, в содомском грехе, поклонении идолу с кошачьей головой, почитании дьявола, в кощунствах над святым распятием, в занятиях магией и колдовством, а кроме того, в растрате денег, собранных со всего мира и в заговоре против короля Франции и папы римского, которых тамплиеры замыслили убить. В 1312 году на Вьенском соборе тамплиеры были преданы суду, а Моле осужден на вечное заточение. Но когда Моле отрекся от своих признаний, его сожгли 18 марта 1313 года на медленном огне. На костре Моле объявил себя достойным казни за свои первые показания, которые он дал против себя и ордена, потеряв силу духа и не сумев выдержать пытки. Моле призвал папу и короля к ответу перед судом Божьим. Согласно легенде, он проклял короля Франции Филиппа IV Красивого и канцлера Гийома де Ногаре до тринадцатого колена и предсказал их смерть не позднее чем через год после своего сожжения, что и случилось в действительности.

⁴⁹ *Филипп* – Филипп IV Красивый, французский король (1285 – 1314), сын короля Филиппа II Смелого, погибшего во время войны с Испанией (1245 – 285), и Марии Брабантской, внук короля Франции Людовика IX Святого, прославившегося крестовым походом, мудрым судом (он судил под столетним дубом и к его суду приходили и простые крестьяне, и правители соседних государств), утверждением независимости французской церкви от Рима, критикой развратной жизни пап и постройкой церквей, за что его называли Периклом средневекового зодчества, мать которого, Бланка Костильская, была женщиной большого ума, выдающейся силы воли, чрезвычайно религиозной, по смерти мужа Людовика VIII правившая страной с необыкновенным умом и ловкостью и укрепившая во Франции авторитет королевской власти. При таких предках как было не блистать и Филиппу Красивому! Он продолжил дело отца, деда и бабушки. Современник писал, что он «подчеркнул окраску насильственности и жестокости, не вполне отсутствовавшую и в предыдущих царствованиях, и, воспитанный в духе традиций древнеримского права, всегда старался подыскать законную почву для своих требований и беззастенчивых домогательств и облекал свои претензии в форму судебных процессов». В 1295 – 1299 годах он требовал к себе на суд короля Англии Эдуарда I, в 1300 году присоединил к Франции Фландрию, проиграл восставшим фламандцам в 1302 году битву при Куртре, но все-таки заставил их в 1305 году покориться окончательно и выдать три тысячи недовольных для казни. В 1302 году Филипп впервые собрал Генеральные штаты и, пользуясь их поддержкой, обвинил отрешившего его от церкви и от власти папу Бонифация VIII во «всяких злодействах», и если бы Бонифаций не умер, то засудил бы и его. В 1304 году новый папа римский Клемент V (1305 – 1314) основал свою резиденцию в Авиньоне и не поехал в Рим, положив тем самым начало «авиньонского периода в истории папства», который называют «вавилонским пленением церкви», длившимся с 1307 по 1377 год. В 1306 году Филипп начал чеканить низкопробную монету, что привело к бунту парижан, королю даже пришлось на время бежать из разбушевавшейся столицы. Задолжав ордену тамплиеров огромные суммы денег, Филипп в 1307 году приказал арестовать всех членов ордена и начал против них процесс, длившийся несколько лет, пока тамплиеры не сознались в ереси, богоотступничестве и пороках. В 1311 году папа Клемент V по настоянию Филиппа ликвидировал орден тамплиеров и в 1313 году король сжег на кострах руководителей ордена, за что и был ими проклят. Филипп вынудил папу Клемент V устроить суд и над умершим Бонифацием VIII, обвиняя покойного в ереси, противоестественных пороках и неуважении к королевской власти, и требовал вырыть из могилы и сжечь труп Бонифация. Суд признал короля совершенно правым, но обвинять мертвого папу отказался. В 1314 году король умер – по мнению одних – согласно проклятию тамплиеров, по мнению других, он был отравлен их сторонниками, избежавшими очистительного костра. По свидетельству современников, народ ненавидел своего короля за готовность на любое преступление и особенно за алчность и патологическую жадность, но любил за представительный вид, войны против соседей и уничтожение еретиков.

⁵⁰ *Ногаре* – Гийом или Вильгельм де Ногаре, знаменитый легист. Легисты в XIII веке во Франции составляли особый класс юристов, различинцев по происхождению, предпочитавших старинное римское право феодальному средневековому праву и церковно-каноническому. В истории права о них сказано: «Вооруженные юридической логикой столько же, сколько казуистическими приемами интерпретации законов, склонные к формализму и не стесняющиеся, вместе с тем, в выборе средств, они постепенно подчинили страну господству королевского права. Оспаривая права феодалов и противясь самостоятельности городского самоуправления, они служили государственной идее и вместе с этим, следственно, абсолютизму с сопровождавшим его бесправием. Отсюда сильная ненависть к легистам. Поборники свобод видели в них злейших своих врагов и жестоко мстили им, особенно в мнении потомков. Сила легистов заключалась в их единстве и коллективной деятельности, потому

с предложения созвать Генеральные штаты. Я часто размышлял об этом. Я думал: как, через кого, когда? По нашим планам, это должен сделать Лафайет. Мы вели этого идиота – именно простодушного идиота – чуть ли не с пеленок...

– Ну, не с пеленок. На него обратили внимание в пятнадцать лет, когда он отказался от королевской пенсии за отца.

– Да. С пятнадцати лет. Его называли «посмертным сыном» – он родился, когда его отец погиб во время Семилетней войны. Мать родила его в траурных одеждах. Сколько предзнаменований! Мы вели его за руку – и это громадное состояние, которое ему досталось, ведь тоже устроили мы. И все его подвиги в Америке. Мысль о созыве Генеральных штатов вдальбивали ему в голову как молитву «Отче наш».

– Он и заявил о необходимости их созыва на собрании нотаблей.

– Да, я помню. Он даже назвал их не Генеральными штатами, а Национальным собранием. Брат короля, граф д'Артуа⁵¹ был ошеломлен. Он переспросил, что Лафайет имеет в виду – не Генеральные ли штаты? И тот ответил: «Что-то большее, чем Генеральные штаты». И этот остроумный ответ неделю повторяли в парижских салонах все дамы, щеголяющие модными философскими и политическими фразами. Но спустя неделю все об этом забыли. И вот находится человек, который без нашей подсказки требует созыва Генеральных штатов. Сам. И все хватаются за эту идею. Сами, без заговора и принуждения. И весь Париж, словно сорвавшись с цепи, вопит: «Генеральные штаты!» И вся Франция вторит этому воплю! Всем нужны Генеральные штаты! Это очень важно. Значит, все созрело.

– Мирабо⁵²...

– Это предложил Мирабо?

– Нет, я хотел сказать, что Мирабо написал в одном из своих памфлетов: «Франция созрела для революции». Фраза стала популярной, ее повторяют в салонах. А еще появилась фраза – ее приписывают Неккеру – «Катится девятый вал» – ее тоже повторяет весь Париж.

среди них и не явились выдающиеся, или хотя бы сколько заметные личности». За исключением, нужно сказать, Гийома Ногаре. Король Франции Филипп IV Красивый призвал его ко двору и назначил капитаном жандармов. В 1304 году Ногаре по приказу короля с небольшим отрядом прибыл в итальянский город Ананья, где укрывался бежавший из Рима папа римский Бонифаций VIII, попытавшийся доказать французскому монарху, что власть папы выше власти королевской, как это обладатели папской тиары делали не однажды. Вместе с Ногаре был племянник кардинала Калонна, заклятого врага святого отца. Они должны были арестовать Бонифация и доставить его на суд короля Филиппа IV Красивого, этот суд уже точно выяснил бы, чья власть выше – папы или короля. При аресте – как утверждают одни историки – Ногаре даже пришлось дать папе римскому пощечину, чтобы прекратить поток проклятий, изрыгавшихся из его уст. Другие историки пишут, что пощечину папе дал несдержанный племянник кардинала Калонна, причем не снимая с руки железной рыцарской перчатки. Через несколько дней папа умер, возмущенный такой бесцеремонностью. Хотя Ногаре не доставил папу на суд короля, Филипп Красивый остался доволен поездкой капитана жандармов. Позже, выполняя волю короля, Ногаре арестовал всех евреев в провинции Лангедок, конфисковал их имущество и изгнал за пределы Франции. Ногаре вел и процесс над тамплиерами, за что в 1307 году король сделал его канцлером, а Великий магистр ордена тамплиеров – Жак де Моле в 1313 году, уже стоя на костре, проклял Ногаре вместе с королем, пообещав им обоим смерть в течение года. Ногаре действительно умер в 1314 году. Из семьи Ногаре происходили ставшие знаменитыми в XVI–XVII веках герцоги д'Эперне. Один из них прославился храбростью и сделался любимцем короля Генриха III, после смерти которого он долго отказывался признавать Генриха IV, и, как предполагают некоторые историки, именно он вложил роковой кинжал в руку убийцы Равальяка, и после смерти короля стал приближенным его вдовы – Марии Медичи (1573 – 1642). Сын герцога не ладил с кардиналом Ришелье (1585 – 1642), и будучи по его настоянию заочно приговорен к смертной казни, бежал в Англию. Вернувшись после смерти всемогущего кардинала на родину, он стал губернатором Гиени и прославился необычайной гордостью, непомерной жадностью и невообразимой порочностью – так считали его современники, а кроме того, был известен тем, что правление провинции при нем находилось в руках его любовницы Нанон, которая, по слухам, нажила огромное состояние, поражавшее воображение, говорили, что она была богаче короля; состояние это исчезло без следа, никто не знает куда, возможно, его и не было вовсе, и оно существовало только в воспаленных умах завистников. Вот каким потомственным эхом отозвалось имя Ногаре в истории Франции.

⁵¹ *Д'Артуа* – французский король Карл X (1757 – 1836) с 1824 года по 1830 год, из династии Бурбонов. До восшествия на престол носил титул графа д'Артуа, третий сын дофина Людовика, внук Людовика XV, первый эмигрант из революционной Франции.

⁵² *Мирабо* – граф Оноре Габриэль Рикети Мирабо (1749 – 1791), знаменитое «чудовище революции», хотя родной отец называл его чудовищем значительно раньше. С 1790 года – тайный платный агент королевского двора. О нем я не премину рассказать поподробнее в основном тексте своего сочинения, но, как и о многом другом, попозже.

– Это прекрасно. Но все-таки, кто поднял вопрос о созыве Генеральных штатов? И поднял так, что этого требует вся Франция! Я хочу знать имя этого человека!

– Теперь невозможно установить его имя.

– Почему? Ведь это произошло даже не вчера, почти сегодня.

– Это требование родилось из случайного каламбура.

– Из каламбура?

– Да.

– Этот гениальный, губительно-разрушительный ход родился из каламбура?

– Игра слов. Во французском языке слово «штат» имеет несколько разных значений. Хотя... Если задуматься... Может быть, они все едины... Это слово означает и «состояние», «порядок», «положение вещей», «умонастроение», «кризис», «опьянение», «неисправность». И «государство», и «государственная казна». Ну и, конечно, «Генеральные штаты» – собрание представителей всего государства. Но, кроме того, это еще и «список». Просто список, список чего угодно. В том числе список расходов. Во время споров в Парижском парламенте по поводу расточительности двора, скандалов и мошенничества члены парламента стали требовать список расходов. И какой-то острослов пошутил, что, может быть, нужен не список расходов, а собрание Генеральных штатов – оба слова – и «список расходов» и «генеральные штаты» – звучат одинаково. Все подхватили каламбур, повторяли, разнесли по Парижу – и кто скаламбурил, уже забыли, забыли и сам каламбур, все уже воспалились собственно мыслью о созыве Генеральных штатов.

– Прекрасно. Просто замечательно!

– Теперь всем кажется, что Генеральные штаты решат все проблемы, они – лекарство от всех бед. Созыв Генеральных штатов стал общей целью, это тот свет, к которому стремятся все.

– Та самая свеча, к которой летят мотыльки, чтобы сгореть в ее пламени... Прекрасно, я думаю, что короля убедят, заставят хотеть того же. Мне видится картина кисти Босха. Кретины ломают фундамент дома, чтобы его камнями заделать дыры в стенах. И торопят друг друга. И чем усерднее они колотят по фундаменту, тем скорее рухнет этот дом. Прекрасно! Просто замечательно! Когда-то король Франции Филипп Красивый придумал Генеральные штаты, чтобы, опираясь на них, разгромить тамплиеров, сжечь великого магистра Моле и утвердить королевскую власть. И теперь эти Генеральные штаты станут орудием разрушения этой королевской власти! Прекрасно! Мы не просто уничтожим короля, чтобы показать силу проклятия Моле, это будет символично – все свершится через Генеральные штаты – они сами возведут короля на эшафот! Важно, чтобы ничто не помешало извне. Что в Австрии? Что в России?

2. СВОЯ ИГРА

*Иду на вы*⁵³.
Князь Святослав.

– Похоже, Екатерина не подозревает, что Турция может так скоро объявить ей войну. В России неурожайный год. Екатерина только что вернулась из своего путешествия в Крым. Она надеется, что война с Турцией начнется года через два-три и она успеет подготовиться. Что касается Австрии, то беспорядки в Нидерландах только раздосадовали Иосифа⁵⁴. Он по-прежнему готов поддержать Россию и двинуть в случае необходимости войска на Турцию. Турция, похоже, опять проиграет войну. Франция окажется в окружении. Иосиф мечтает о великих деяниях...

– Мы хотели снять его с шахматной доски...

– Да, но срока не назначили.

– Это сделает Маркиз Полномочный Вестник Смерти?

– Да. Иосиф уже доступен для него.

– Думаю, нужно еще подождать. В случае необходимости и Екатерина доступна для Соколовича?

– Как будто, да.

– Почему как будто? Возникли какие-то трудности?

– Возникло подозрение...

– Какое?

– Соколовичу передали золотой перстень Понимающего.

– Да, я знаю.

– Сложилось впечатление, что он до этого сменил всех людей.

– Интересно.

– Подозрительно. Вся верхушка в России и среднее звено – новые люди. Соколовича невозможно проверить.

– А если вызвать его к нам?

– Опасно. Если подозрения подтвердятся, его придется убить – ведь он тоже поймет. Тогда прервется связь со всей средней и высшей структурой масонов в России. А структура останется – так мы потеряем и собственно русское масонство. Он защищен почти так же, как и мы сами.

– М-да... Неожиданный поворот... Не припомню ничего подобного...

– Может я чересчур мнителен...

– Не замечал за тобой мнительности.

– Я проанализировал расходы Соколовича. Естественно, ту их часть, которая нам известна.

– И что же?

– Они намного превосходят то, чем может располагать Понимающий. У меня сложилось впечатление, что на самом деле этих расходов еще больше. Тех, о которых мы не знаем. Если сравнить его расходы с возможностями русских масонов, то очевидно, что он имеет еще какой-то, более существенный источник средств.

– Соединенный с бездонной казной императрицы Екатерины?

⁵³ *Иду на вы...* – старославянск. «Иду на вас» – эти слова князь Святослав Игоревич (? – 972) с гонцом передавал своим противникам как объявление войны.

⁵⁴ *Иосиф* – Иосиф II (1741 – 1790), с 1765 года – император Священной Римской империи, в 1765 – 1780 годах соправитель своей матери Марии Терезии, с 1780 года – австрийский эрцгерцог.

– Я тоже так подумал. Хотя ее казна не бездонна. Она с трудом сводит концы с концами. Уж больно велики расходы. У нее несколько армий, Потемкин, дежурные фавориты. Впрочем, расходы на фаворитов не так велики, слухи преувеличивают их.

– Невозможно даже предположить, что у нас, на самом высшем уровне, оказался человек, который использует наши структуры для какого бы то ни было государства. А уж тем более для России, которую нам нужно уничтожить.

– Или затеял свою игру.

– Это вероятнее.

– Соколович единственный из Понимающих, которому всего сорок. Все остальные проверенные, и, главное, просто старые – семьдесят-восемьдесят лет. У него какое-то непонятное прошлое. Он словно ниоткуда.

– Мы не поторопились, сделав его Понимающим?

– И да и нет.

– То есть?

– Да, потому что в России почти пятнадцать лет не было Понимающих, точнее, они были убиты... И нет, потому что Соколович уже сам стал Понимающим – золотой перстень для него простая формальность – он полностью владеет ситуацией. И еще... Выяснилось, что у него своя сеть людей в Париже...

– Что значит, сеть людей? Пять-шесть осведомителей при русском поселе?

– Полсотни человек.

– Ого!

– Возможно, и больше. И не только в Париже...

– Где же еще?

– В Берлине и в Вене. В Стокгольме. В Лондоне. В Мадриде и в Неаполе. В Варшаве.

– И в Стамбуле?

– Да, и в Стамбуле.

– Картина впечатляет...

– Мы практически не можем контролировать его. А он вполне может контролировать нас.

– Все это очень серьезно. Я всегда говорил: Россию нужно уничтожить! Необходимо срочно послать в Россию человека, который бы мог все проверить и, если надо, снять с шахматной доски Екатерину и Потемкина.

– Послать в Россию человека... Но кого? Мне кажется, такая миссия под силу только одному человеку.

– Маркизу?

– Да.

– Я тоже так думаю.

– Маркиз занят Иосифом.

– Иосифом, но не Австрией. Как я понимаю, у него уже все налажено с Иосифом, и это могут завершить и без него. А в России разбираться придется очень долго. Ее нужно уничтожить! Иначе рухнет то, что мы создаем сотни лет! Кстати, Маркиз любит сложные задания.

– Да, у Маркиза это влечение, род высокой поэзии.

– И потом, отправив в Россию, мы отдадим его от Франции. Маркиз ведь тоже человек. Как еще он воспримет все, что там произойдет...

– Я думаю, безразлично. Он ведь снял с доски Людовика XV.

– Да. Но это всего лишь эпизод в жизни Франции. Когда он поймет, что будет уничтожена вся Франция, старая Франция, то неизвестно, что шевельнется в его душе.

– Ну, о событиях он узнает и в России.

– Знать одно, видеть своими глазами – другое. Не забывай, Маркиз Полномочный Вестник Смерти капризен. Непредсказуем. И как тебе хорошо известно, почти неуправляем. И

поэтому опасен. Ведь если задуматься – он фактически равен нам с тобой. Только мы подчинили себя высшей цели. Маркиз же не подчинен ничему! Он даже сильнее нас – мы дорожим жизнью, потому что хотим увидеть результат своих трудов. Он не дорожит ничем – и это делает его неуязвимым. Его душа – дьявольская бездна. Вызывай Маркиза. К разговору с ним нужно хорошо подготовиться, нужно как можно подробнее рассказать ему о России, ввести в курс дела. А мы ведь сами не совсем хорошо понимаем, что там происходит и что может произойти. И какое решение нам принять. Соколович может оказаться опаснее Маркиза... Нужно всегда помнить: Россия должна быть уничтожена.

Ну, о Соколовиче, или, точнее, о Соколовичах, читатель уже знает. А о Маркизе Полномочном Вестнике Смерти я самым подробным образом расскажу в ближайших главах.

Французские генеральные штаты, французские парламенты и французский народ

Генеральные штаты, или Государственные чины, или Собрание представителей сословий французского народа впервые собрал в конце XIV века король Франции Филипп IV Красивый, когда возникла угроза для самостоятельности королевской власти.

Государство Франция название свое получило по имени небольшого германского племени франков. Франки завоевали древнюю Галлию, страну, населенную племенем кельтов, которых древние римляне называли галлами. Принципы верховной власти во Франции сложились на основе древнего германского права, а оно возникло из родовых законов и традиций. Своих вождей германцы выбирали на общем собрании из представителей того рода, который считался царским, за храбрость и воинские заслуги своих предков. Их называли конунгами, или князьями, что в переводе означает «род». Но позднее вождей стали называть королями, по имени самого прославленного вождя – Карла Великого⁵⁵, объединившего в IX веке под властью германцев большую часть центральной Европы.

Собрания, избиравшие королей, назывались «мартовскими полями», потому что собирались они в марте. Этим собраниям и принадлежала вся власть. Когда франки завоевали огромную страну – Галлию, эти собрания собирались для воинских смотров и утверждения королевских указов. Новый народ – французы, образовавшийся из завоеванных галлов и растворившихся среди них завоевателей германцев, сотни лет хранил память об этих собраниях как о первоисточнике законной власти.

В XIV веке на власть над миром претендовал папа римский. Без войск, только силой духовного давления, он диктовал свою волю европейским христианским королям. Король Франции Филипп IV Красивый не согласился делить власть, а тем более свои доходы с папой римским. Он повелел священникам платить подать в королевскую казну, а не в папскую. Папа римский, Бонифаций VIII⁵⁶, запретил духовенству отдавать подати мирской власти и пригро-

⁵⁵ Карл Великий – Карл Великий (742 – 814), франкский король с 768 года, император с 800 года, из династии Каролингов.

⁵⁶ Бонифаций VIII – Бонифаций VIII (1235 – 1303), с 1294 года папа римский, сто девяносто девятый по счету, происходил из древнего рода Газтани из Ананы. Красноречивый юрист и дипломат, красавец собой, он был избран папой после того, как предшествовавший папа Целестин V, известный своей искренней набожностью, покинул престол по совету вельможи, раздававшего в часовой, где он сутками напролет возносил молитвы. По слухам, этот голос исходил из уст самого Бонифация, тогда еще носившего имя Газтани, и передавался в часовню по специальному устройству. Бонифаций VIII объявил каждый сотый год летосчисления юбилейным. Празднование юбилея 1300 года собрало в Рим два миллиона паломников со всей Европы и доверху наполнило папскую казну. Бонифаций мечтал восстановить могущество папского престола времен папы Григория VII (между 1015 и 1020 – 1085), к которому императоры Священной римской империи германской нации ходили в замок Каноссу босиком и во власенице вымаливать прощение в страхе перед отлучением от церкви, что в свою очередь грозило освобождением от присяги подданных, только и ждущих повода сбросить монарха с трона и занять его место. Когда король Франции Филипп IV Красивый обложил налогами духовенство, папа пригрозил ему проклятием и отлучением. «Не думай, что ты не подвластен никому и можешь не подчиняться главе святой церкви. Так может думать только безумец или нехрист», – написал папа королю. Король в 1302 году собрал в соборе Парижской богородицы представителей сословий и, получив их поддержку, сжег письмо папы и отписал в Рим: «Филипп, милостью Божьей король французов, Бонифацию, мятежнику себя верховным владыкой. Да будет известно вашему нахальству, что как светская власть, мы никому не подчинены; кто думает иначе, тот бездельник и дурак». Бонифаций отлучил Филиппа от церкви и объявил, что его корону получит тот, кто доставит французского короля в Рим живым или мертвым. Филипп обвинил Бонифация в торговле церковными должностями, стяжательстве и «противоестественных пороках». В 1303 году он послал в Рим своего канцлера Ногаре с отрядом рыцарей. Они должны были схватить папу и доставить его на суд во Францию. Папа бежал в родной Ананы. Но Ногаре захватил папский дворец, а приехавший вместе с ним племянник кардинала Колонна – лютого врага Бонифация, стащил Бонифация с алтаря, ударил по лицу рукой в железной рыцарской перчатке и назвал первенцем сатаны. Папа не вынес такого унижения и через два дня умер. По другим сведениям, он умер, потому что, находясь в плену у своих врагов, два дня ничего не ел и не пил, боясь отравы, и организм старика не выдержал этого поста. Тот факт, что папство в лице одного из самых гордых своих представителей было жестоко унижено, и земля не разверзлась, чтобы поглотить оскорбителей, совершивших чудовищное преступление, произвел сильнейшее впечатление на всю Европу. Впрочем, многие отнесли это на счет нечестивости самого папы. Современник написал о Бонифации: «Он подкрался как лисица, царствовал как лев и умер

зил отлучить Филиппа от церкви и освободить его подданных от присяги королю. В послании Филиппу Бонифаций писал, что наместник Христа и апостола Петра на земле – папа – выше короля, «ибо каждому из смертных для спасения души необходимо подчиняться воле и велениям римского первосвященника».

Но Филипп Красивый не подчинился. Он собрал (по примеру древних германских собраний) представителей дворянства, духовенства и горожан, и это собрание, получившее название Генеральных штатов, провозгласило полное верховенство французского короля, объявив, что в светских делах он зависит только от одного Бога. Филипп еще не раз обращался к помощи Генеральных штатов. Они поддержали его и когда потребовалось утвердить разгром ордена тамплиеров, и когда король решил обложить налогами земли вельмож и духовенства, ранее освобожденных от податей.

С тех пор Генеральные штаты не однажды помогали королям, и опираясь на их голос, они превратили Францию в единое, могучее государство и сосредоточили власть в своих руках. Но когда заседали Генеральные штаты, становилась очевидной природа власти – власть принадлежала собравшимся в зале государственным чинам, а не одному человеку, восседавшему тут же на троне, он только получал ее из рук представителей народа. И от раза к разу представители народа пытались диктовать свою волю и королю.

Поэтому с начала XVII века французские монархи не созывали представительное государственное собрание – источник власти. Король считал источником власти только себя, гордо заявляя: «Государство – это я!» Верховные правители предпочитали без посторонней помощи справляться с трудностями – наполнять вечно пустующую казну и устранять непокорных зарвавшихся вельмож. Но страна, давно забывшая обычаи маленького германского племени франков и традиции «мартовских полей», хорошо помнила о силе и правах Генеральных штатов, Государственных чинов, Собрания представителей французского народа, единственного законного источника власти в государстве Франция.

Парламентами во Франции называли не избранных народом представителей, а судейских чиновников, которые помогали королю выполнять одну из своих, не самых приятных, обязанностей – судить (не осуждать, а рассуживать, разбирать тяжбы и споры) своих подданных, которые никогда не умели жить в мире и согласии, и вечно что-нибудь делали и каждый хотел получить кусок побольше, и чтобы не загрызть друг друга, сцепившись друг другу в глотки зубами и руками, им и приходилось обращаться к королю – и король, как единственный, кто мог рассудить беспристрастно, решал их тяжбы и споры.

Судить, а потом еще следить, чтобы решение, почти всегда невыгодное для одного из спорящих, выполнялось – хлопотно, чаще всего неинтересно, и, в конце концов, надоедает. А у короля есть и другие обязанности и занятия куда более привлекательные. Поэтому короли перепоручали заниматься разбором тяжб и споров кому-либо из своих придворных. Но и те не очень-то хотели вникать во всякие дразги, обиды и претензии, в которых человек копошится весь свой недолгий век. К тому же нужно соблюдать хоть какой-то общий порядок и даже справедливость, потому что, если не соблюдать хотя бы подобие справедливости, спорящие, тяжущиеся, судящиеся могут излить свою злобу на того, кто взялся по справедливости разобрать их дело. Поэтому к судейским делам король все чаще привлекал людей простого звания, но изучивших законы, знавших, как судили раньше, особенно народы, придерживавшиеся порядка – например древние римляне. Эти-то люди и занимались собственно судейством, обращаясь к королю только в самых важных случаях, каковыми считались убийства и похищения людей – эти случаи так и называли – королевскими случаями.

как собака». Данте (1265 – 1321) поместил Бонифация VIII в восьмой круг ада, где в огненных ямах горят те, кто обогатился торгуя церковными должностями и церковным имуществом..

Со временем королевские помощники стали разбирать и королевские случаи, потому что у короля часто не хватало времени и для них.

Разбирая тяжбы и споры, нужно разъяснять обеим сторонам, кто прав, а кто виноват и почему, и много говорить, а когда тяжущиеся бестолковы, а они всегда бестолковы, иначе бы поделились-помирились сами – приходится говорить часами, а то и весь день, доходя до хрипоты. Поэтому всех судейских чинов и называли «парламентом» от простого французского слова «парле» – говорить.

Таким образом постепенно и возник высший суд, называемый Парламентом. Главным судьей, главой Парламента, был король. В Парламент входили приближенные короля – пэры, герцоги и бароны – их присутствие требовалось, когда судились равные им по титулам и званиям. А большую часть Парламента составляли судейские чиновники, юристы, законники, происходившие обычно из горожан. Судейские чиновники за свою работу получали плату, – платили те, кто судился. Поэтому место в Парламенте давало немалый доход. Желающих занять место в Парламенте было много, поэтому места эти продавались за деньги, деньги шли в королевскую казну. Купив место в Парламенте, судейский чиновник к концу жизни старался продать его не кому-нибудь, а сыну или, если он не имел сына, хотя бы племяннику. Поэтому места в Парламенте становились как бы наследственными.

Судейские чиновники в Парламенте не только говорили. Не в меньшей мере они и писали – записывали в свои реестры указы и решения короля. Указы эти приобретали силу только после того, когда их записывали в эти реестры, потому что судейские чиновники следили, чтобы они не противоречили указам, внесенным в реестры раньше, и не повлекли бы за собой неразберихи в делах или каких-либо иных нежелательных последствий.

В таких случаях судейские чиновники обращались к королю с ремонстрациями. Это мудреное французское слово, не такое известное и распространенное в мире, как слово «парламент», в переводе на русский язык означает «почтительные возражения». Король, которому недосуг вникать в разного рода крючкотворства, обычно соглашался, полагаясь на знания и опыт своих помощников по Парламенту.

Но дело известное: стоит только начать. Сначала это были именно «почтительные возражения», их высказывали подобострастным тоном, с чередой поклонов и реверансов. Потом это были просто возражения и в конце концов довольно непочтительные, особенно когда дело касалось новых налогов. И уж совсем непочтительные, когда дело касалось не короля, а его министров.

На королевских министров смотрели как на придворных лакеев. А Парламент – старинное учреждение, его члены не суетились в придворных интригах, а важно восседали в своих красных одеждах на высоких креслах. Парламент опирался на записанные в его реестрах законы и на римское право, неумолимое в своей логике и суровости строгой латыни.

Мало того, членам Парламента уже стало казаться, что их власть происходит от тех самых народных собраний, древних «мартовских полей», а они выше королей и выражают волю народа. Именно они, члены Парламента, должны и даже обязаны следить за тем, чтобы король правил не по своей прихоти, а по законам, зарегистрированным в парламентских реестрах, толковать и объяснять которые могут только члены Парламента. Ибо они представляют народ или нацию, если говорить на не подлежащей сомнению латыни. А нация главнее и важнее короля. И она, нация, и представляющий ее Парламент – представляющий ввиду временного отсутствия Генеральных штатов – предписывает королю законы, а не король ей.

Конечно же королю это не понравилось. Но смотря какой король. Людовик XIII⁵⁷ не удостоивал Парламент своим посещением. Члены Парламента не могли заявить ему свои

⁵⁷ Людовик XIII – Людовик XIII (1601 – 1643), французский король с 1610 года из династии Бурбонов, прославленный благодаря роману А. Дюма (1802 – 1870) «Три мушкетера».

«почтительные возражения» и стали посылать их в письменном виде. Тогда Людовик XIII поручил улаживать отношения с Парламентом опытному в государственных и иных делах кардиналу Ришелье⁵⁸. Ришелье советовал членам Парламента не писать королю письменных посланий. А тех, чьею рукою такие послания были писаны, он приказал сажать в тюрьму, в знаменитую Бастилию. Поток письменных «почтительных возражений» прекратился. Но сразу же возобновился после смерти мудрого кардинала.

Людовик XIV явился в Парламент и под свою диктовку велел записать в реестры указ, строго предписывавший делать «почтительные возражения» на королевские указы только после записи этих указов в парламентские реестры.

При малолетнем Людовике XV регент, нуждавшийся в поддержке парламента, отменил указ проявившего находчивость Людовика XIV и все пошло по-старому.

Придя к власти, Людовик XV привлек к борьбе с Парламентом канцлера Мопу⁵⁹. Мопу был сыном президента Парламента и потому хорошо знал все слабости этого учреждения, строптивость которого достигла невозможных пределов. По совету Мопу король приказал в одну ночь арестовать всех членов Парламента, выкупить у них парламентские места и выслать из Парижа.

А чтобы столица не осталась без судебной власти, Мопу собрал новый Парламент, во всем послушный королю. Но к тому времени и Парижский парламент, и двенадцать других парламентов в крупнейших городах Франции уже представляли из себя мощное, вековое сословие судебных чиновников. Они отказались подчиняться «Парламенту Мопу» и это, как пишет современник, «привело в волнение всю страну, горячо вступившуюся за них». А «Парламент Мопу» стал «предметом всеобщего презрения и постоянных насмешек».

Однако короля Людовика XV побаивались и потому приходилось терпеть и самого Мопу, и его Парламент.

Когда на престол взошел внук Людовика XV, молодой король Людовик XVI, он восстановил в правах старый Парламент, а канцлера Мопу отправил в ссылку в его собственное имение. Первый министр короля граф Морепа⁶⁰ уверял монарха, что народ и Парламент не забудут королевской милости.

⁵⁸ Ришелье – Арман Жан дю Плесси (1585 – 1642), кардинал с 1622 года, фактический правитель Франции.

⁵⁹ Мопу – Рене Николай Шарль Огюстен де Мопу (1714 – 1792), приближенный и самый доверенный царедворец французского короля Людовика XV. Он был сыном президента Парижского Парламента и канцлера, унаследовал должности отца в девятнадцать лет, потому что с молодых ногтей отличался практичным умом. Мопу мгновенно покинул своего кровителя, знаменитого герцога Шуазеля, не пожелавшего признать фаворитку короля мадам дю Барри, и стал первым человеком при дворе, преклоняясь и лстя графине дю Барри. О Мопу говорили, что он человек без всяких принципов, гордый, злобный, скрытный, умеющий угождать и лицемерить, когда это нужно для достижения его целей. Отзыв несколько противоречивый, так как весь этот перечень вполне можно назвать принципами, если им строго следовать. И следуя им, Мопу помог Людовику XV свести к нулю влияние оппозиционной королевской власти парламента. Людовик XVI «подчиняясь общему настроению» и по совету своего первого министра Морепа сместил Мопу с должности канцлера. Но Мопу отказался сложить с себя звание хранителя печати и удалился в свои поместья. Когда после революции начали распродавать церковные земли, Мопу скупил все, что только мог, и нажил огромное состояние. В 1790 году, узнав, что государственная казна совершенно пуста, старый канцлер ссудил без процентов правительству полмиллиона ливров. Конечно же, денег этих он больше не увидел, да и спустя два года они ему были уже не нужны...

⁶⁰ Морепа... – Жан-Фредерик-Фелиппо, граф Морепа (1701 – 1781), с 1774 года первый министр короля Франции Людовика XVI. В ранней молодости он достиг министерских постов еще при короле Людовике XV, блистал живым умом, проявлял интерес к наукам, организовал несколько экспедиций – на экватор и в Северно-Ледовитый океан для измерения меридианов, но легкомысленно лишился своего положения за злую эпиграмму на маркизу Помпадур (1721 – 1764). Уверения, что эпиграмму ему приписали его враги, не помогли и Морепе пришлось уехать в ссылку в собственное имение Поншартрено, где он продолжил писать эпиграммы и песенки. «Он насочинял их столько, что хватило на три тома, которые он назвал своими мемуарами», – недовольно заметил великий А. Дюма-отец (1802–1870), который, как известно, любил под горячую руку страницами вписывать разного рода мемуары в свои романы (что, впрочем, их ничуть не портило, а даже, наоборот, придавало интерес и заметно увеличивало объем и, само собой разумеется, гонорары, до которых Дюма – как всякий писатель – был великий охотник) – и тут его легко понять, три тома, написанные стишками, ни к черту не годными, и это называется мемуары! Несмотря на свое сочинительство, Морепа был в чести у наследника, сына Людовика XV, дофина Луи Фердинанда, известного святоши. Луи Фердинанд, страдая чахоткой, так и не дожил до восшествия на престол. Это пришлось сделать его

Народ не сразу проявил свою благодарность, а Парламент, чувствуя себя победителем в борьбе с королевской властью, делал все, что только мог, чтобы помешать королю во всех

сыну, Людовику XVI. Отец завещал ему «превыше всего знать страх Божий и любовь к религии». И, кроме того, передал небольшой ларчик, о котором русский посол в Париже князь Иван Сергеевич Барятинский, отвлекаясь от превратностей своей нелегкой семейной жизни, писал в далекий Санкт-Петербург: «А покойный дофин, отец нынешнего короля, при кончине своей поручил епископу Верденскому маленький запечатанный ларчик с завещанием никому его не отдавать, кроме ныне владеющего короля, однако не прежде восшествия его на престол. Покойный король, сведав о сем, требовал у помянутого епископа сего ларчика, однако он в том отказал, и никакими угрозами не могли его склонить на то, чтоб нарушил данное ему от дофина завещание. Спустя некоторое время епископ умер. При смерти своей поручил он означенный ларчик брату своему, называемому Николай, который теперь первый президент Счетной камеры, с подтверждением ему дофина завещания. По скончании короля на другой же день упомянутый Николай поехал в Шуази и вручил сей ларчик новому королю. Утверждают, что в оном найдено собственноручное дофиново наставление нынешнему королю о правлении государственных дел и о выборе людей к оным, и в сем наставлении якобы граф Морепа означен первым человеком в государстве». Так в 1774 году граф Морепа, известный находчивостью и остроумием, которого при дворе называли «шустрым старичком» – ему уже было под восемьдесят, а одна из любовниц короля Людовика XV дала ему приклеившееся прозвище «Негодяйчик», стал первым министром доброго и полного надежд осчастливить Францию Людовика XVI, прозванного Желанным. Но А. Дюма-отец излагал эту историю иначе, так как обладал удивительной способностью знать о давно прошедших событиях больше даже непосредственных участников этих событий – он видел все происходившее когда-то, словно ожившую картину, многокрасочную и яркую, картину кисти Рубенса (1577 – 1640) и никак не Рембрандта (1606 – 1669). По поводу призвания Морепы А. Дюма живописал знаменитый случай со шпорой (знаменитый благодаря этому описанию). Согласно этому описанию, пролив слезы по поводу того, что жестокий рок возложил на него королевскую корону, Людовик XVI, озабоченный тем, что он не умеет управлять страной, решил поручить это дело сведущему человеку. И такой человек был – его звали Жан-Батист Машо. Он занимал когда-то пост генерального контролера финансов. К его приходу финансовое положение было ужасным. Войны и огромные траты двора, расточительство госпожи Помпадур поставили страну на грань разорения. Но Машо отличался умом, энергией, ловкостью и предприимчивостью и имел просвещенный взгляд на вещи. Он облегчил налоги, ввел свободу хлебной торговли, предпринял ряд мер по улучшению земледелия и промышленности. Он придумал пятипроцентный налог на доход, который заставил платить всех, включая дворянство и духовенство. Но Машо был сторонником терпимости по отношению к протестантам. И более того, он провел закон, согласно которому монастыри и аббатства не могли увеличивать свои земельные наделы и даже хотел провести ревизию церковного имущества. Естественно, духовенство нашло способ повлиять на короля Людовика XV. И король, видя, что пустовавшая казна уже полна, нехотя отправил Машо в отставку. Его наследник, Людовик XVI решил Машо вернуть – ведь казна опять была пуста и ее опять нужно было наполнить. О, если бы Машо был возвращен! Крестьяне пахали бы землю, буржуа торговали, парламент прекратил бы интриги, дворяне и духовенство покорно платили бы налоги вместе со всеми, а король, не расточая деньги на фавориток, правил бы счастливой Францией! Людовик XVI и хотел назначить первым министром Машо. Но об этом проведали его тетки – дочери короля Людовика XV, три старые девы, которых их отец называл Тряпка, Ворона и Пустомеля. Они были очень набожны. От своего духовника им было известно, что Машо – ужасный человек, а вот Морепа, несмотря на все свои эпиграммы и песенки, человек приятный во всех отношениях. Однако король узнал, что тетки, которым он по своей доброте ни в чем не мог отказать, идут к нему с просьбой о назначении Морепы. Людовик XVI запер дверь, но тетки остались сторожить у двери. Их было трое, они могли спать по очереди, не покидая своего поста, чтобы подкараулить племянника и уговорить его отказаться от нечестивца Машо. Через запасную дверь Людовик XVI призвал к себе верного паж, написал своей королевской рукой всего несколько слов: «Немедленно приезжайте в Париж. Я назначаю вас своим первым министром. Людовик». Эту записку он вложил в конверт с надписью «Графу де Машо, в Арнувиль», отдал пажу и приказал скакать во весь опор. Потом подождал полчаса, чтобы паж мог умчаться как можно дальше и его было бы невозможно догнать, и только потом впустил к себе дрежащих тетушек. Выслушав все их увещевания, король развел руками – он только что послал депешу Машо, и если Машо ее получит, король не может отказаться от своего королевского слова. Вот если догнать гонца, тогда он, король, согласен поступить так, как этого требуют его любимые тетушки. Тетки короля со всех ног бросились на конюшню. Людовик XVI ликует – прошло так много времени, что его гонца уже не догнать! Но, о судьба Франции! Уходя от короля, спускаясь по лестнице, паж зацепился за ступеньку и сломал шпору. Всего лишь шпору! Командующий королевской конюшней шевалье д'Абзак не позволил пажу выехать в таком виде. И пока сделали новую шпору, тетки короля ворвались на конюшню и отняли депешу. Они разорвали конверт и, прочтя написанное королем: «Немедленно приезжайте в Париж. Я назначаю вас своим первым министром. Людовик», вложили это послание в другой конверт, написали на нем «Графу де Морепа, в Поншартрено». И паж, уже при двух шпорах помчался совсем по другому адресу, и Франция погибла. Она погибла не сразу. Явившись в Париж, Морепа удалил в ссылку ненавидимого всеми, угоджавшего некогда фаворитке Людовика XV графине дю Барри канцлера Мопу, уговорил короля разогнать презренный всеми парламент Мопу и восстановить старый добрый Парламент, вызвав этим всеобщее ликование. Этот-то Парламент и бросит первый камень – нет, не в короля, а с горы, вниз, и камень этот покатится по склону, увлекая за собой ревуший камнепад, лавину, которая поглотит и Парламент, и короля, и всю старую добрую Францию. Да, началось все с Парламента. И это видели и понимали многие, в том числе и русский посланник Барятинский, который писал своей императрице: «Если старый парламент будет восстановлен на прежнем основании, то полагают, что не только королевская власть будет уменьшена, но и может воспоследовать совершенная перемена формы правления, ибо когда старый парламент возьмет верх, то весь народ без исключения встанет на его сторону. Правда, трезвомыслящие люди надеются на благоразумие и искусство в делах графа Морепы, что он сумеет все так устроить, что и король сохранит свою власть, и парламент более нынешнего будет иметь полномочий». То есть и волки будут сыты, и овцы целы. И устроит это славный, ловкий, изящный и остроумный негодяйчик Морепа! Но насытить волков при целых овечках не удавалось никому последние несколько тысяч лет – не получилось и у Морепы, которому, правда, не пришлось

его начинаниях. Парламент горой стоял за старые привилегии, король хотел отменить их, чтобы заткнуть дыры в государственной казне и не соглашался на введение новых налогов, с помощью которых можно бы было ее, эту казну, хоть как-то пополнить. Парламент видел, что король добр, не жесток и, следовательно, слаб, и как писал все тот же вездесущий и всевидящий современник, «послышался шепот о свободе и республике, умы уже прониклись идеей равенства...»

О, погоди, простодушный Людовик XVI, наследник сильных и жестоких сородичей Людовиков! Если умы уже прониклись, и кто-то прошептал слово «равенство», то шепот этот рано или поздно превратится в рев многоголового и многоголосого чудовища, кровожадного разъяренного зверя, имя которому народ!

II. В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

1. МЕЧТЫ, И ПЛАНЫ, И ИНТРИГИ

*Мечты, мечты⁶¹,
Где ваша сладость...*

А. С. Пушкин.

Ну вот, с жадностью и трепетом внимающий страшным тайнам мой доверчивый читатель, прошло совсем немного времени, как я начал свое повествование – может, месяц, а то и всего пару недель, а события продолжают своим чередом. Верховные масоны по-прежнему плетут свои коварные интриги и хитроумные заговоры, которые должны в конце концов доставить им власть над этим миром.

Оленька Зубкова, заполучив бриллианты, собранные гордыми и прекрасными полячками для спасения вольности своего беспокойного отечества, едет в Москву или уже в Петербург, где, по ее, сразу скажу, верным предположениям, рано или поздно появится Александр Нелимов, чтобы попасть в ее обольстительные сети.

Она однажды уже уловила его, но всего лишь на одну ночь, а поутру он все-таки сумел ловко выскользнуть из ее объятий – ведь Оленька еще так неопытна, и упустила его, но, конечно же, ненадолго, и, зная ее настойчивость, иногда доходящую до беспощадности, можно легко догадаться, что она еще завладеет им, как масоны властью над миром – ведь для Оленьки весь мир и заключен в ее Сашеньке.

Ну а сам он занят мыслями об отречении Анны⁶², с помощью которого он, конечно же, попытается изменить судьбу России, да что там России, и всего мира тоже. Уж очень большое значение может иметь эта бумага, если умело ею распорядиться.

Поэтому об отречении Анны неустанно размышляют и верховные масоны, и Соколович, оно не дает покоя и императрице Екатерине II, она думает о нем все ночи напролет, когда у Дмитриева-Мамонова⁶³ очередное теснение в груди и он по этой причине не посещает спальню императрицы.

Но никто не знает, где спрятано отречение Анны. А вот Александру Нелимову как раз известно, где оно находится. Оленька Зубкова поведала ему, что оно лежит в резной шкатулке старого майора Нелимова. Это Оленька считает его старым, сам же майор, хоть и передвигается с помощью костылей, так не думает и все еще питает надежду пустить отречение Анны в дело, хотя он и остался почти один из соратников князя Шумского, когда-то намеревавшегося с помощью этого отречения существенно подправить устройство Российского государства по своему понятию и разумению.

Но больше всех не дремлет вездесущий и ничуть не менее всемогущий Соколович со своим тайным братом. Он еще не знает, что верховные масоны почти раскусили его. Они уже

⁶¹ *Мечты, мечты...* – Строка из шестой главы романа в стихах А. С. Пушкина (1799 – 1837) «Евгений Онегин» (1823 – 1831).

⁶² *Анна* – имеется в виду дочь царя Петра I Алексеевича (1672 – 1725), Анна Петровна (1708 – 1728).

⁶³ *Дмитриев-Мамонов* – Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов (июль 1786 – июль 1789), и граф, и флигель-адъютант, нежнейший друг императрицы Екатерины II Алексеевны. В скобках указаны не годы жизни, а время трудов Дмитриева-Мамонова в постели императрицы.

заподозрили в нем доморощенного соперника, так же, как и они сами, возмечтавшего ни много ни мало о власти над миром.

Соколович продолжает свою тонкую интригу. Ему не хватает тех денег, которые его дедушка тихой сапой увел из-под носа у обворовавшего всю Россию царского любимца Алексашки Меншикова⁶⁴ и упрятавшего их в амстердамских и итальянских банках.

Чтобы достичь своих целей, Соколович хочет заполучить всю российскую казну. А для этого нужно сделать послушным инструментом в своих руках императрицу Екатерину II. Казной распоряжается она, щедрой рукой оплачивая неустанных в постели фаворитов и генералов, храбро сражающихся на поле брани, чтобы воплотились в действительность замыслы императрицы о грядущем величии и о славе в памяти восхищенных ее свершениями потомков.

О, эти потомки не оценят ее замашек на мировое господство, ее грандиозных планов возрождения Византии, покорения Персии и Индии по примеру меркантильных англичан!

Им, потомкам, куда интереснее знать размер «девичьей игрушки» фаворитов, исчисляемый в мерах длины, и как она, императрица, с нею, этой «девичьей игрушкой», управляется по ночам. И был ли у нее специальный станок, сконструированный великим русским изобретателем Кулибиным⁶⁵, с помощью которого императрица могла «баловаться» не только со своими фаворитами, но и с молодыми жеребцами породы орловских рысаков, специально для того и разводимых.

А читать описание турецких войн и даже отчеты о подвигах самого Суворова⁶⁶ потомки заленятся. Вон сколько земель приобрела хозяйственная Екатерина Великая для Российской империи, а потомки, по своей неосведомленности, припишут ей продажу Аляски, чтобы, мол, было чем расплачиваться за безбрежные ночные утехы.

Соколович, имея возможность читать переписку императрицы (как и всех остальных европейских монархов), узнал о ее планах сделать своим наследником любимого внука Александра в обход нелюбимого сына великого князя Павла Петровича. Подлинник письма выкрали у барона Мельхиора Гримма⁶⁷ и доставили из Парижа, используя для этого беспечного Николая Костени, успевшего промотать денежки своего обосновавшегося в Париже папеньки, Ивана Кузьмича Костеникина; когда-то он, пользуясь небольшой должностью в одной из сенатских комиссий, сколотил немалый капиталец – его хватило бы в Париже и детям и внукам, но Николая, в отличие от отца, любил пожить на широкую ногу, и, оставшись на мели, не упустил случая отправиться в далекую Россию в надежде разжиться деньгами.

Теперь нужно исхитриться, чтобы письмо, доставленное Николаю, попало к великому князю Павлу Петровичу, а грозная матушка узнала, что он его прочел. Тогда императрица поймет, что ее планы раскрыты и известны сыну, и она подвергается огромной опасности. Ведь лишенный трона Павел имеет на этот трон все права, а у нее, на троне этом восседающей, прав на него как раз и нет.

И когда императрица Екатерина II Алексеевна поймет, что сыну известны ее намерения и он может отважиться на решительные действия, ей и придется обратиться за помощью к Соколовичу, уже однажды спасавшему ее из тяжелого положения, тем более что единственный ее верный и надежный помощник, Потемкин, на юге, а турецкая война, которую они задумали начать спустя два-три года, на самом деле грянет как гром среди ясного неба со дня на день. А с севера на беззащитный Петербург двинутся шведы, предводимые их взбалмошным королем,

⁶⁴ *Алексашка Меншиков* – Александр Данилович Меншиков (1673 – 1729), из денщиков царя Петра I Алексеевича, выросший в «полудержавного властелина», как писал А. С. Пушкин.

⁶⁵ *Кулибин* – Иван Петрович Кулибин (1735 – 1818), русский механик-самоучка.

⁶⁶ *Суворов* – Александр Васильевич Суворов (1730 – 1800), великий русский полководец.

⁶⁷ *Мельхиор Гримм* – барон Фридрих-Мельхиор Гримм (1723 – 1807), один из проходимцев, промышленявший перепиской со знаменитостями и монархами. Вел оплачиваемую переписку с императрицей Екатериной II Алексеевной.

мечтающим вернуть былое величие, утраченное неосмотрительным королем Карлом XII⁶⁸ где-то под Полтавой.

Вот тогда-то Соколович и возьмет в свои руки императрицу Екатерину II, но не в постели, а вместе с тронем, казной и храбрыми генералами и получит возможность направлять события по нужным ему путям и тропинкам. Тогда он добудет и отречение Анны, оно, по его догадкам, хранится у Екатерины II. А заполучив отречение Анны, он сделает императрицу и ее империю своим послушным орудием.

И пока верховные масоны заняты разжиганием пожара в Париже, чтобы возвести на костер мести добродушного и недогадливого короля Людовика XVI, как некогда король Филипп Красивый сжег их легендарного Великого магистра Моле, Соколович соберется с силами и нанесет сокрушительный удар в спину – именно так и принято между масонами.

Вот такие планы. Правда, в них могут внести серьезные изменения и Катенька Нелимова, и Оленька Зубкова – им это вполне по силам, и они-то уж не пропустят случая устроить все по-своему, у обеих характер еще тот, своего не упустят, и никому не уступят, как это водится между провинциальными барышнями, попавшими в большой свет. Но все это прояснится несколько попозже.

А пока что Соколовичу нужно найти способ передать великому князю Павлу Петровичу письмо императрицы Екатерины II, с неосторожными мыслями о престолонаследии, причем так, чтобы оно попало к нему через его верных людей и он не заподозрил интриги. Для этого Соколович избрал Ростопчина⁶⁹, самого близкого (после Катеньки Нелимовой) к Павлу человека. Ему подозрительный Павел должен поверить.

Ну, а с Ростопчиным письмоносец Николай Костени по замыслу Соколовича должен свести Карл Долгоруков – личность преинтереснейшая. И о нем я расскажу сразу же, не откладывая в долгий ящик.

⁶⁸ *Карл XII* – Карл XII (1682 – 1718), шведский король с 1697 года.

⁶⁹ *Ростопчин* – граф Федор Васильевич Ростопчин (1763 – 1826), главнокомандующий (генерал-губернатор) Москвы. Он ли ее, Москву, сжег в 1812 году или нет, спорят вот уже два века..

2. КАРЛ ДОЛГОРУКОВ

*Наследник всех своих родных*⁷⁰.
А. С. Пушкин.

Карл Долгоруков, несмотря на свое немецкое имя, казавшееся странным и даже нелепым при такой фамилии, принадлежал к древнейшему русскому княжескому роду, прославленному в истории России. Долгоруковы⁷¹ вели свое происхождение от Рюрика⁷². Они всегда находились при царях и втайне претендовали на престол.

Долгоруковы были опорой старой знати в бурные петровские времена и однажды даже чуть не усадили на трон княжну Екатерину Долгорукову, «государыню невесту» некстати умершего скороспелого императора Петра II⁷³, а потом попытались возвыситься над царями – поставить власть Верховного совета выше царской, при императрице Анне Иоанновне⁷⁴.

Императрица Анна Иоанновна, взошедшая на русский трон после Петра II, вместе с бессменным при ней Бироном⁷⁵, воспользовалась завистливой ненавистью дворянства и разгромила едва не дотянувшийся до власти род – одних, после долгих пыток, казнила, других сослала на веки вечные в Сибирь, лишив чинов, званий и вотчин.

Но Бог милостив не только к бедным, сирым и убогим – в конце концов на троне обосновалась крестница Долгоруковых – императрица Елизавета Петровна⁷⁶. Она восстановила их в чинах и званиях и вернула им все отнятые имения и поместья. Долгоруковы снова оказались при дворе и в силе, хотя и не в такой большой, как прежде, в старозаветные времена.

Отец Карла Долгорукова не вникал в интриги своих родственников, так как легко удалялся от земных дел и забот. Он писал трактаты по математике и ездил в Англию, где встречался со знаменитым тогда Ньютоном⁷⁷ для обсуждения причин и путей движения планет по их неизменным орбитам и законов механики прочих небесных сфер.

Мало того, он женился на дочери немца, владельца торгового дома, известного во всей Европе. Долгоруковы сначала не признали этот брак с купеческой дочкой, но позже выяснилось, что ее отец совсем не купеческого сословия, а знатностью превосходит самих Долгоруковых, имея наследные права на корону Священной Римской империи, правда, в порядке очереди многочисленных, близких и далеких сородичей чуть ли не в сотом колене, но, тем не менее, права совершенно законные, подтверждаемые грамотами, написанными на пергаменте и украшенными многими гербами.

Тем не менее полупризнанная невестка не сошлась с новой русской родней. Когда она родила сына, как раз начались гонения на Долгоруковых и она не поехала в Сибирь следом за

⁷⁰ *Наследник всех...* – Строка из первой главы романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (1823 – 1831).

⁷¹ *Долгоруковы* – русский княжеский род, происходящий от Михаила Всеволодовича Черниговского (1179 – 1246). Долгоруковы возглавляли «верховников», которые при восшествии на престол императрицы Анны Иоанновны пытались ограничить самодержавную власть.

⁷² *Рюрик* – Рюрик (IX век), легендарный первый русский великий князь, основатель династии Рюриковичей, которая до Романовых правила в Киевской и Московской Руси.

⁷³ *Петр II* – Петр II Алексеевич (1715 – 1730), царь, император, внук императора Петра I, дважды неженатый, ни на дочери Меншикова (1673 – 1729), ни на сестре своего фаворита Ивана Долгорукова (1708 – 1739).

⁷⁴ *Анна Иоанновна* – Анна Иоанновна (1693 – 1740), императрица, средняя дочь царя Ивана V Алексеевича, соправителя царя Петра I Алексеевича, любовница немца Эрнста Иоганна Бирона (1690 – 1772), своего единственного фаворита, который обошелся России дороже остальных фаворитов всех императриц вместе взятых.

⁷⁵ *Бирон* – Эрнст Иоганн Бирон (1690 – 1772), внебрачный сын корнета и няньки его законных детей, недоучившийся студент, фаворит императрицы Анны Иоанновны.

⁷⁶ *Елизавета* – Елизавета Петровна (1709 – 1761), императрица, дочь императора Петра I Алексеевича, чуть было не разогнавшая всех немцев, набравших в Россию во времена Петра I.

⁷⁷ *Ньютон* – Исаак Ньютон (1643 – 1727), великий английский физик и математик и неудачливый астролог и алхимик.

мужем, попавшим под общую гребенку жестокой опалы, а бежала в свою «немецину». Там ей тоже пришлось несладко – умер отец, торговые дела семьи пришли в полный упадок, и поэтому, когда императрица Елизавета восстановила Долгоруковых в правах, «немецкая жена», хоть и назвавшая сына Карлом, но успевшая крестить его по православному обряду, вернулась к мужу. Муж, в отличие от своей родни, не осуждал беглянку. Он приехал из ссылки едва живой, съдаемый чахоткой.

– О, это есть страшная Сибирь! – причитала «немецкая жена» у постели любимого мужа.

– Там нет Сибири, – указывал он рукой вверх, и вскоре отошел в лучший из миров, без сомнения, устроенный строго по законам Евклида и в соответствии с предназначениями небесной механики, разгаданной и высчитанной Ньютоном.

Наследство он оставил небольшое и запутанное. Мать Карла Долгорукова остаток жизни провела в тяжбах с родней мужа. А когда Карл поручиком вернулся с Семилетней войны, у него уже не было ни матери, ни состояния.

По обычаю, издревле укоренившемуся на Руси, Карл Долгоруков должен был пополнить многочисленную толпу бедных, но знатных сородичей, обретающихся при пяти-шести Долгоруковых, которые не потеряли положения при дворе и – что самое главное – остались богаты.

Но Карл Долгоруков не согласился на вторые роли в семействе, лишившемся первых ролей в государстве. Да, он остался без вотчин и имений, но у него было другое наследство. От матери – немецкая точность, аккуратность и стремление к порядку, от отца – феноменальная память, склонность к математике и тяготение к решению первопричинных вопросов. А от дальних римских императоров – непомерная гордость и презрение к людям.

Накануне переворота, который возвел на трон императрицу Екатерину II, Карл Долгоруков выиграл сто тысяч в карты у Алексея Разумовского⁷⁸, тайного супруга только что отошедшей в иной мир императрицы Елизаветы Петровны. Разумовский был баснословно богат и известен своей страстью к карточной игре. Около него кормилась целая шайка шулеров.

Разумовский играл всегда в подпитии, проиграв, злился, бил партнеров картами по щекам и выгонял из дома. Но на следующий день, придя в полную трезвость, отдавал все, что проиграл. При нем состоял особо доверенный дворовый лакей, который записывал суммы проигрыша. Его давно подкупили виртуозы игроцкого сообщества и он в несколько раз завышал проигрыши барина.

Игроки брали с Разумовского тысяч по двадцать-тридцать за вечер. Они знали, что крупный проигрыш выводит его из себя и «доили» свою жертву понемногу, но зато постоянно. Увидев, что он проиграл сто тысяч, Разумовский сгреб своей ручищей со стола карты и хотел швырнуть их в лицо «немецкому» Долгорукову, но судьба и на этот раз оказалась милостива к царственному вдовцу – натолкнувшись на холодный взгляд поручика, вернувшегося с недавней войны с пруссаками, генерал-фельдмаршал, никогда в жизни не бывавший на полях сражений, мгновенно протрезвел и смущенно пробормотал, что Долгоруков может прийти завтра за своим выигрышем.

– Слушай, Разумовский, – презрительно, с расстановкой, ледяным голосом проговорил Долгоруков, не спуская с вельможи холодного взгляда серых глаз, из бездонной, прозрачной глубины которых выглянуло что-то неумолимо беспощадное, неотвратимое и наводящее ужас (это была смерть), – ты коли сел играть, потрудись заплатить проигрыш...

Граф Разумовский, достигший придворных и военных званий и более значительного счастья через приятность голоса и за не вызывающие сомнений мужские достоинства, вдруг почувствовал себя босым свинопасом с далекого хохляцкого хутора, которого окликнул стро-

⁷⁸ Алексей Разумовский – Алексей Григорьевич Разумовский (1709 – 1771), морганатический супруг императрицы Елизаветы Петровны (1709 – 1761/62).

гий барин с нагайкой в руках. «К чести этого⁷⁹ первейшего вельможи времен Елизаветы, возведенного ею из ничтожества на верх счастья, богатством и почестями осыпанного, должно сказать, что он чуждался гордости и, не имея никакого образования, был одарен от природы умом основательным», и поэтому граф незамедлительно и собственноручно вручил Карлу Долгорукову проигранные деньги и в глубине души своей накрепко зарекся садиться с кем-либо за карточный стол, кроме своих всегдашних прихлебателей, – это небезопасно для кошелька, зато безопаснее для жизни.

⁷⁹ «К чести этого...» – так характеризовал А. Г. Разумовского (1709 – 1771) наш знаменитый историк Д. М. Бантыш-Каменский (1737 – 1814). В своем четырехтомном труде «Биографии Российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов» между пространными описаниями жизни и сражений А. В. Суворова (1730 – 1800), М. И. Кутузова (1745 – 1813) и П. А. Румянцева (1725 – 1796) и многих других известных военачальников, блиставших и не блиставших, но тем не менее на полях сражений, он уделил две странички и Разумовскому, поскольку тот все-таки имел официальный чин генерал-фельдмаршала, хотя на полях сражений никогда не бывал.

3. ЧТО НЕ СЛУЧИТСЯ МЕЖДУ РОДСТВЕННИКАМИ

*Однажды играли в карты*⁸⁰...
А. С. Пушкин.

Но так как зарок этот Разумовский дал в глубине души, о нем ничего не знали игроки, составлявшие игрокское сообщество. Среди них оказался и второстепенный картежник, принадлежавший к роду Долгоруковых. Его и отправили к Карлу Долгорукову для разговора «до всех касающегося». Он на правах «все-таки родственника» и объяснил Карлу Долгорукову, как тому нужно вести себя по отношению к игрокскому сообществу, сколько кому положено выигрывать, как и с кем делиться.

Карл Долгоруков жил на съемной квартире, и в услужении держал всего двух человек – наемную кухарку и, доставшегося ему от отца, дворового слугу Прокопия. Прокопий был человеком своеобразным. Он служил еще «покойному барину», часто беседовал с ним о закономерностях небесной механики и геометрии как таковой, побывал с барином в разных странах, много повидал. За огромный рост, непомерную силу и отсутствие одного глаза его называли Циклопом.

Молодого барина Прокопий почитал за Бога. Он несколько лет провел с ним на войне, видел и знал его жестокость и силу. Любое слово барина он исполнял беспрекословно, и приказание кого-либо зарезать или задушить выполнил бы точно так же, как подавал по утрам чашку кофе.

Карл Долгоруков, выслушав незадачливого носителя такой же, как у него самого, фамилии, даже не удостоил его пощечины. Он позвал Прокопия и кухарку и приказал высечь сородича, что верные слуги тут же исполнили. Секла кухарка, Прокопий держал орущего посланника игрокского сообщества.

Бедняга стал посмешищем обеих столиц, и ему пришлось коротать свой век в глуши, приживальщиком у какого-то небогатого, но сердобольного помещика, так как и в Петербурге, и в Москве, и в других городах империи его с тех пор называли «Долгоруков, которого высекла кухарка», а продолжать карьеру, даже карточного шулера, с такой репутацией невозможно.

Он еще счастливо отделался, эта миссия вполне могла стоить ему жизни. Во время Семилетней войны о Карле Долгорукове рассказывали, за глаза, конечно, что он отправил на тот свет больше русских, чем прусских вояк. Долгоруков действительно по самому малейшему поводу вызывал на дуэль, и в самом деле убил в поединках то ли пять, то ли шесть человек, молва раздула их число до нескольких десятков.

При всем этом он не был ни задирой, ни бретером, но никому не позволял шутить на свой счет, равно как и проявлять малейшее неуважение. Тяжелый характер, обособленность и презрение к сослуживцам и начальству стали причиной того, что он не получил ни одной награды, хотя никто не стал бы отрицать его смелость и прочие воинские доблести.

Спустя некоторое время после выигрыша у Разумовского Карл Долгоруков снял приличный двухэтажный особняк на Шпалерной улице и, выйдя в отставку, зажил жизнью, отмежеванной и от рода Долгоруковых, и от императорского двора, к которому не стремился в отличие от своих родственников.

В первом этаже особняка помещалась лаборатория, оборудованная ничуть не хуже химического кабинета Академии Наук и даже лаборатории знаменитого Лавуазье в Париже. По слухам, в этой лаборатории Карл Долгоруков, не без помощи чертей и прочей нечисти, превращал простое олово в золото, чеканил деньги и печатал фальшивые ассигнации. На самом деле

⁸⁰ *Однажды играли...* – Слова, послужившие А. С. Пушкину началом его повести «Пиковая дама» (1834).

лаборатория по превращению олова в благородные металлы только «съедала» золото, которое не широким потоком, но все же и не ручейком, текло в нее с бельэтажа.

Каждый вечер в бельэтаже особняка Карла Долгорукова собирались любители картежных баталий. Никто из игроцкого сообщества не смел сунуть сюда носа. Здесь играли люди из самого приличного общества и все имели полную гарантию, что только богине Фортуне подвластно, куда – налево или направо – ляжет их карта. Но и это было не так. Налево или направо – карта ложилась послушно воле Карла Долгорукова.

На глазах у партнера он умел так перетасовать колоду карт, что они складывались в необходимой ему последовательности. Никто из виртуозов игроцкого сообщества не мог даже вообразить того мастерства, которым владел Карл Долгоруков. Благодаря своей памяти, быстроте ума и ловкости пальцев, он обходился без крапленых карт и порошковых семерок-восьмерок, «втирания очков» и тому подобных дешевых шулерских приемов, за них, как известно, членов игроцкого сообщества частенько не шутя били бронзовыми подсвечниками по голове, иной раз и до смерти.

Тем, кто время от времени посещал своего рода салон Карла Долгорукова, и завсегдааям этого высокого собрания и в голову не приходило, что все их выигрыши и проигрыши распределяются хозяином таким образом, чтобы никто не проигрывал больших денег и чтобы те, кому не повезло, могли бы иногда и выигрывать, чтобы выигрыши самого Карла Долгорукова не бросались в глаза и уравнивались его, пусть себе и небольшими, но все-таки проигрышами, которые он делал, чтобы никто не заподозрил, что он играет безпроигрышно, наверняка.

Проигрывал он обычно одному из постоянных посетителей – Илье Никитичу Толстому. Он же – Илья Никитич Толстой – очень часто крупно выигрывал, но чаще и еще крупнее проигрывал Карлу Долгорукову. В результате все выигрывали и проигрывали приблизительно поровну, но общий баланс за некоторое продолжительное время складывался, и довольно существенно, в пользу Карла Долгорукова – с учетом денег, проходивших через руки Толстого, он был его подставным партнером, и с ним Карл Долгоруков поровну делил прибыль от своего игорного заведения. (Свою часть прибыли Толстой спускал здесь же, в «салоне», и это еще больше маскировало общую картину).

4. КАРЛ ДОЛГОРУКОВ И ТОЛСТОЙ

*Они сошлись*⁸¹...
А. С. Пушкин.

Толстой происходил из старинного дворянского рода. Знаменитый предок его, Петр Андреевич Толстой⁸², переметнувшийся от доверившейся ему свояченицы – царевны Софьи⁸³ – к победившему ее юному царю Петру I⁸⁴ и неблагоприятными делами заслуживший милость сурового хозяина, был причастен к смерти несчастного царевича Алексея, по слухам, он задушил его, вместе со своими поделчиками заплечных дел, подушкой в пыточном подвале.

После смерти императора Петра I Толстому пришлось столкнуться с всесильным Меншиковым. Толстой проиграл борьбу за место у трона, и его сослали в Соловецкий монастырь, где он и умер в обледенелой яме, до последних дней своих оставаясь в кандалах; в них его и похоронили, так как, согласно легенде, никто не посмел снять цепи с опального вельможи, душа которого, несмотря на заклепанное навечно железо, освободилась безо всякого разрешения из Санкт-Петербурга.

После воцарения императрицы Елизаветы Петровны – в пользу ее и интриговал против Меншикова Толстой – потомкам Толстого возвратили имения и титулы. И род ожил. Один из многочисленных внуков Толстого, прозванный Большим Гнездом, оставил огромное потомство – двадцать трех сыновей и дочерей, и каждый отыскал себе теплое местечко при царском дворе или неподалеку от него.

Из всех птенцов этого гнезда Илья Никитич оказался самым непутевым. С юных лет он пристрастился к карточной игре. Тайна роковой карты, возникающей из колоды словно из глубин судеб, завораживала его. Он сидел перед банкометом, как кролик перед удавом, совершенно загнипнотизированный. Шутили, что в тот момент, когда Толстой ставит карту, его можно раздеть догола – и он не заметит этого – не только в переносном, но и в прямом смысле слова.

Но раздевали, конечно же, в переносном смысле. И, оставшись без близких родственников, которые присматривали бы за ним, Толстой в двадцать с небольшим лет спустил за карточным столом все, что имел – два небольших поместья, дом в Санкт-Петербурге, и влез в долги.

Счета вести он не умел, бегать от кредиторов не имел сноровки. Они устроили на него облаву и обобрали дочиста, безжалостнее, чем партнеры за зеленым столом. Отняли все – и мебель, и гардероб, все, кроме одежды, бывшей на простодушном графе. Он же попросил оставить ему и одного дворового человека (всю его прислугу, включая повара, ездившего обучаться в Париж, продали для покрытия долга вместе со швейцаром и выездом).

– Кто же меня разденет? – удивленно развел руками Толстой перед кредиторами, – не спать же мне в панталонах.

Одеваться и раздеваться людям, принадлежавшим к высшему свету, в те времена было не так-то просто. По крайней мере, Толстой и понятия не имел, как это делается. Кредиторы,

⁸¹ *Они сошлись*... – Часть строки из второй главы романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (1823 – 1831).

⁸² *Толстой* – Петр Андреевич Толстой (1645 – 1729), граф, родоначальник нового поколения Толстых послепетровских времен.

⁸³ *Софья* – Софья Алексеевна (1657 – 1704), правительница при царях Иване V и Петре I Алексеевичах, свергнутая Петром I, так и не ставшая ни царицей, ни императрицей, хотя и очень того желавшая. Умерла, насильно постриженная в монахини.

⁸⁴ *Петр I* – Петр I Алексеевич (1672 – 1725), царь, с 1721 года – император, преобразовавший Московское государство в Российскую империю, уничтожив четверть ее населения, устроив новую столицу Санкт-Петербург в болотах на реке Неве, так как немцы и прочие иностранцы уже не помещались в немецкой слободе на окраине Москвы.

люди в общем-то не мягкосердечные, но в тот раз, взявшие с попавшего в их сети барина даже больше, чем полагалось, смиростивились и оставили ему одного недоросля из комнатных лакеев. Такого продавать – больше двадцати рублей за него не выручишь. Знать бы им, сколько этот недоросль мог приносить денег – удавились бы от зависти.

Звали недоросля Павлушей. Оказавшись с барином на улице – на улице в прямом смысле этого слова – их в тот же день выгнали из отнятого за долги дома, Павлуша занял денег, накормил голодного графа, снял угол, а потом не только раздевал и одевал своего барина, но и содержал писанием писем и прошений, и лет через пять Толстой уже снимал пол-этажа на Фонтанке.

Павлуша наловчился по судейским делам, стал этаким Кулибиным стряпчих дел, и приносил в дом сотни тысяч в год. Его можно сравнить со знакомым уже читателю Костеникиным-отцом. Но сравнить только по таланту, и никак не по размаху. Павлуша мог «вытащить» любое сложное дело, но один, без сообщников, взятки давал и брал совсем небольшие, миллионами не ворочал, а уж в трактиры и к веселым красавицам и подавно не заглядывал, все, что зарабатывал, нес барину, содержал дом и прислугу, да еще и немало уходило на карточные долги Толстого.

Толстой сто раз клялся – и себе и Павлуше – не брать на игру из этих денег, ведь ему у Карла Долгорукова перепало немало, но сдержать слова не мог по свойственной ему слабости характера.

Карл Долгоруков, заметив у себя Толстого, сделал его своим помощником. Отношения между ними сложились особенные. Толстой побаивался своего старшего партнера. Он знал, что Карл Долгоруков может выиграть любую ставку, совершенно по своему усмотрению «дать» или «убить» любую карту. Но понять, как он это делает, Толстой не мог.

По горькому опыту юности он имел представление о простых шулерских приемах и видел, что Карл Долгоруков ими не пользуется. Кроме того, Толстому и в голову не могло прийти, чтобы Карл Долгоруков, которого он почитал как некое суровое, но возвышенное божество, прибегнул к низким шулерским уловкам. Поэтому все, что происходило с картами, когда колода попадала в руки Карлу Долгорукову, Толстой относил на счет неких сверхъестественных явлений, производимых усилием воли его сообщника.

Карла Долгорукова Толстой раздражал. Он сдерживал раздражение и от этого раздражался еще больше. Он безразлично презирал Толстого – во-первых, как всякого человека, во-вторых, как выходца из семейства Толстых, на которых лежала печать, наложенная делами и судьбой Петра Андреевича Толстого, приложившего руку к смерти царевича Алексея, чтобы выслужиться перед его отцом, поправшем достоинство всего дворянства, а впрочем, холуйством своим, вполне заслужившего сие подлое унижение, и в-третьих, как слабого, наивного, ничего не умеющего человека, которому, несмотря ни на что, живется без хлопот и забот, печалей и тревог.

«Поработав» некоторое время с Толстым, и в какой-то мере, частично, раскрыв ему механизм своего «игорного предприятия», Карл Долгоруков понял, что сделал это напрасно – Толстого можно было использовать вслепую, он довольствовался бы и такой ролью, и крохами, которые бы ему перепали. Долгорукову стало жалко денег, их, кстати, всегда не хватает для опытов в лаборатории. И это тоже раздражало.

Можно, конечно, незаметно урезать долю Толстого, но Карл Долгоруков не хотел опускаться до нарушения условий первоначальной договоренности, это казалось ему ниже его достоинства. И он терпел. И это опять же раздражало. Можно открыто изменить условия, определив Толстому всего лишь четверть или треть совместных доходов. И Толстой – Карл Долгоруков хорошо знал это – униженно стерпел бы. Но презирая людей, Карл Долгоруков не переносил унижения в любых его проявлениях. Получался неразрывный круг, Толстой стал необходимой обузой – и это раздражало еще больше.

5. У КАЖДОГО СВОЯ ИНТРИГА

*...недавно обыграли поручика Артуновского⁸⁵, у князя Шенькина
выиграли тридцать шесть тысяч.
Н. В. Гоголь.*

Толстой был незлобивым, уступчивым, приятельственно-панибратским и услужливо заискивающим, добродушно-барственным, и более всего – наивно-мечтательным человеком. Павлушу, кормившего его своим хитроумным судейским крючкотворством, Толстой любил подробно расспрашивать о всяких судейских историях. Выслушав начало такой истории, барин давал Павлуше советы, как вести дело, обсуждал, кто из тяжущихся прав по закону, а кто по совести, и как бы следовало их рассудить по-человечески, то есть по-божески.

Иногда его внимание привлекала какая-нибудь деталь или околичность, он тут же придумывал какие-либо подробности и часами рассказывал Павлуше о судьбах людей, участвовавших в этом разбирательстве, которых не видел ни разу в жизни и о которых только что услышал от Павлуши. Он описывал их жизнь в связи с переменной тех или иных обстоятельств, придумывая их тут же, на ходу.

Рассказ его был настолько живописным и правдоподобным, так впечатлял, что Павлуша часто, сам того не желая, принимал все это за действительность и потом путался в своих делах. Эта необычная способность Толстого позже ярко проявилась у одного из его потомков⁸⁶, поразившего мир своими романами, изобилующими сплетением судеб многочисленных героев, наполовину списанных с близких родственников и исторических деятелей, наполовину придуманных.

Толстой приводил в «игорное заведение» Карла Долгорукова новых людей и часто наделал ему необычными планами и стратегическими замыслами. Долгоруков не принимал их всерьез, но с удивлением замечал, что иногда эти замыслы Толстого, казалось бы самые нелепые, осуществляются и оседают в их карманах немалыми деньгами.

Его даже удивляло, что Толстой, добрый и жалостливый по натуре, увлеченно готов пустить свою жертву по миру, в отличие от самого Карла Долгорукова, человека язвительного, циничного и жестокого, но, тем не менее, обиравшего любителей «картежа» умеренно и осторожно. Впрочем, поразмыслив, Долгоруков отнес это не на счет парадоксов человеческой души, а на счет заурядной глупости и неосмотрительности своего помощника.

В тот день, когда Соколович собрался к Карлу Долгорукову для разговора о Ростопчине, Толстой как раз излагал ему свой очередной план. Суть его заключалась в том, чтобы обыграть в долг молодого наследника большого состояния.

– Пржибышевский – поляк, фамилия у них иной раз, прости Господи, язык сломалась, увез когда-то младшую сестру княгини Тверской. Брат его, младший, хлопчет о переводе в русскую армию, хочет чин полковника. Потемкин не благоволит, надоели светлейшему поляки – бестолковый народ. Княгиня Тверская роман сей не одобряла. Среднюю сестру она выдавала сама. Сестер давно Бог прибрал, у княгини теперь на руках племянница и племянник-полячок; она их, поляков, не любит, пустой, говорит, народ. А и правда – до чего пустой народец, с какой стороны не посмотри. На руках-то у нее, при ней то есть, племянница. А племянник – в Петербурге, у него вместе с дядей именице в Польше, хорошо, если душ двести, а то и сто. А может, и того нет, поэтому у дяди надежда на полковничий чин. Потемкин,

⁸⁵ ...недавно обыграли... – Цитата из первого явления пьесы Н. В. Гоголя (1809 – 1852) «Игроки» (1842).

⁸⁶ ...у одного из его потомков... – Несомненно имеется в виду великий русский романист, поднявший отечественную словесность на мировую высоту и еще выше – Лев Николаевич Толстой (1828 – 1910).

сказывают, метит в польские короли. Но полякам не благоволит. Племянницу, Сашеньку свою знаменитую, выдал за Браницкого – что за вздорный человек! Ведь если рассудить, Потемкину от всех этих поляков одни хлопоты. Княгиня Тверская племянника не жалует. Наследство может отписать одной племяннице. А замуж выдать ее за своего соседа – Нелимова, брата Катеньки Нелимовой – Катенька теперь фаворитка у великого князя. Мария Федоровна вся в расстройстве. Говорят, ходила к императрице жаловаться.

Толстой рассказывал путанно, отвлекаясь в сторону от главной мысли, представляя в лицах всех персонажей своего пространного повествования. Лицо рассказчика, жесты его и ужимки составляли целый спектакль. Он, сам того не желая и не замечая, подражал голосам тех, о ком рассказывал, но общая интонация его голоса была вкрадчивая, завлекающая. Это действовало даже на Долгорукова – он слушал с невольным интересом.

Однако, если приводить полностью рассказ Толстого, то получится отдельный роман, размером сравнимый со всем моим сочинением, поэтому я передам его своими словами, тем более что многое из этого рассказа мне придется еще раз описывать по ходу событий, но несколько попозже. А часть уже известна из предыдущего описания истории бурной первой ночи Оленьки Зубковой и Александра Нелимова, для которого эта ночь была, конечно же, не первой.

6. НАСЛЕДСТВО КНЯГИНИ ТВЕРСКОЙ

*Три сестры*⁸⁷.

А. П. Чехов.

Суть заключается в следующем. Среди молодежи высшего света Санкт-Петербурга вращался юноша лет двадцати по фамилии Пржибышевский, племянник княгини Тверской. Княгиня Тверская, или, как ее называли, Старуха происходила из древнего рода, владела огромным поместьем, принадлежавшим роду князей Тверских с незапамятных времен. Владение княгини Тверской это целое сельское, без городов, государство, насчитывавшее около тридцати тысяч душ крестьян, часть из них даже не была собственно крепостными, а только числилась таковыми, чтобы избежать принадлежности к казне.

Жилось крестьянам под рукой строгой и даже суровой княгини привольно – не вольно, а именно привольно, хотя и в тяжких трудах. В бега из ее владений не бегали, чужих к себе не принимали и не пускали, а то к ним сбежались бы все соседи.

Даже разбойники, а они в то время иногда держали в страхе целые волости и уезды, во владениях княгини не водились. «Вольные люди» с кистенем и ножичком обходили их стороной, зная, какая в случае поимки их ожидает расправа. Этого не знали три «шатуна», которые случайно забрели в ее владения, и им еще повезло, что Александр Нелимов, спасая Оленьку Зубкову, порешил их на дороге – попадись они в руки смиренных и степенных подданных княгини, «рыцарям большой дороги» пришлось бы несладко, разбойников у Старухи мужички, согласно старым порядкам, сажали на кол.

Княгиня Тверская жила почти безвыездно в своем имении, в Москву выбиралась редко, раз в десять лет. В молодости на ней чуть не женился Иван Шувалов⁸⁸, но братья его вовремя нашли другой предмет для сердца писаного красавца – саму императрицу Елизавету Петровну. Все это происходило в давно ушедшем прошлом, потому что к тому времени, о котором ведется рассказ, княгине Тверской, по слухам, минуло сто лет и она уже даже сама называла себя Старухой.

У княгини были две младшие сестры, по возрасту она годилась им в матери. И поэтому после жестокой сердечной обиды, нанесенной Шуваловым, княгиня Тверская навсегда отказалась от сомнительного женского счастья и взялась устраивать судьбы сестер.

Самая младшая из них оказалась строптивой и непокорной. Она влюбилась в красавца проходимца – поляка, сбежала с ним в Польшу и некоторое время жила не обвенчавшись. Потом супруги все-таки вернулись в родовое гнездо Тверских. Старшая сестра, хотя и отличалась суровым нравом, приняла беглецов. Они обвенчались по православному обряду и пожелали поселиться в Санкт-Петербурге.

Для этого, само собой разумеется, требовались средства. Сестра потребовала свою долю имения – старшая княгиня определила ей эту долю, может, и не треть, а значительно меньше, но все равно не мало, и все – в деньгах. Прожили в Петербурге супруги всего два года.

Муж сбежал к польским конфедератам, проиграв перед этим все, что досталось жене в наследство, и оставив ей сына и огромные долги. Позже стало известно, что ловкий проходимец заведовал у конфедератов казной, вывез из Польши во Францию несколько обозов с солью, чтобы на вырученные от ее продажи деньги закупить оружие для польских повстанцев, после чего его следы совершенно исчезли, как и обозы с солью.

⁸⁷ *Три сестры* – Название пьесы А. П. Чехова (1860 – 1904) «Три сестры» (1901).

⁸⁸ *Шувалов* – Иван Иванович Шувалов (1727 – 1797), фаворит императрицы Елизаветы Петровны, в свободное от трудов в спальне императрицы время, устраивавший в России университеты и академии художеств.

Княгиня Тверская – напомним еще раз, несмотря на свой суровый нрав – не оставила сестру без средств к существованию, а когда сестра умерла, содержала племянника. Племянник удался в отца, но не унаследовал его талантов проходимца и авантюриста. Звали его Станиславом. Он окончил сухопутный корпус и блистал среди петербургской молодежи, которую тогда еще не называли золотой – золотой она станет в начале следующего века.

Станислав был высок, красив, в мать наивен и неосмотрителен. От отца ему досталась знаменитая польская спесь и пустой гонор. Даже у женщин он не пользовался успехом, хотя, казалось бы, его наружность позволяла это. Мешали самонадеянность и глупость, так как он не замечал за собой этих, часто встречающихся у молодых людей, качеств и, наоборот, считал себя умным и весьма сообразительным.

Княгиня Тверская – Станислав, как и многие, называл ее Старухой, но эти многие величали ее так с почтением, а Станислав с глупой насмешкой – советовала племяннику искать богатую невесту, а за глаза добавляла, что если «такая дура» найдется, то он устроится как и его беглый папаша.

В свои двадцать лет Станислав ходил в долгах, как в шелках – Старуха давала ему только на самое необходимое – но долги эти были мелкие. В те времена по Санкт-Петербургу, как и в лучших европейских столицах, уже рыскала стая кредиторов, надеявшихся поживиться на неопытности молодых наследников больших состояний.

Однако кредит под будущее наследство Станиславу никто из них открывать не спешил. Станислав не сомневался в этом будущем наследстве, а кредиторы, люди опытные, наделенные от природы и в силу своих занятий чутьем и нюхом – сомневались.

И тут следует обратиться к истории второй, средней сестры княгини Тверской. Эта сестра, покладистая и послушная, ни в чем не перечила старшей. Княгиня Тверская выдала ее замуж за немолодого, не красавца и не щеголя, зато порядочного человека из старого русского дворянского рода. Они жили душа в душу под крылом у княгини Тверской, не требуя своей доли наследства.

Старуха не могла налюбоваться на их семейное счастье. У них родилась дочь – Поленька – как потом все увидели – сказочная красавица с душой небесной кротости и доброты. Но счастье их длилось недолго. Ведь оно никогда не бывает долгим, и только мелькнет иногда своим павлиньим хвостом и тут же скроется с глаз, унесется в неведомые края.

Средняя сестра княгини умерла, когда дочери не исполнилось и пяти лет. Муж не снес такого удара и последовал за женой, которая составляла для него единственный смысл жизни, всего спустя год после ее ухода.

7. ПОЛЕНЬКА

*Мила как Божий ангел*⁸⁹.
Народное присловье.

Поленьку растила и воспитывала княгиня Тверская. Юная красавица с ангельским характером была самой завидной невестой России – об этом знали и в Петербурге, где она ни разу в жизни не появлялась, и в Москве, куда Старуха изредка наезжала со всем своим двором на один-два месяца зимой. Юная княгинюшка «всем взяла» – и красотой, и нравом, и умом, и веселостью, и «жених сыскался ей»⁹⁰ – правда не в Петербурге и не в Москве, где порядочного человека и сыскать-то трудно в пестрой, шумной столичной толпе, кишашей проходимцами и пройдисветами всякого рода, звания и масти.

Сыскался рядом с родным именем. Это был такой же юный, как и Поленька, красавец Александр Нелимов, уже хорошо знакомый читателю. Напомню, имение Нелимовых находилось по соседству с обширными владениями Старухи и, в отличие от них, поражало заброшенностью и разорением. Немаленькое по размерам – когда-то в нем числилось около пятисот душ крестьян, большая часть из которых разбежалась, а меньшая прозябала в нищете, лени и мечтательности, свойственной русскому работнику, лишенному крепкой руки хозяина.

Хозяин имения, впрочем, его и хозяином-то не назовешь, скажу лучше глава семьи, майор Нелимов совершенно не умел ни вести хозяйство, ни поддерживать порядок во владениях, доставшихся ему по жене. Жена, урожденная Захарова, принадлежала к старинному, очень знатному роду, хотя и не имевшему княжеского титула, по родовитости сопоставимому с родом княгини Тверской. Вышла замуж за майора Нелимова она от влюбленности в его ближайшего друга и сподвижника князя Шумского. После каких-то таинственных и очень опасных событий и таинственной же смерти князя Шумского Нелимовым пришлось бежать в тверскую глушь.

Тем они и спаслись, хотя и жили почти скрываясь и не объявляясь в столицах. Жена Нелимова раньше родила троих сыновей, а потом дочь Катеньку – ставшую со временем блистательной фрейлиной при дворе великого князя Павла Петровича, а потом в семье появился и еще один сын, Александр. Историю его происхождения знали мать, отец и княгиня Тверская – она помогла Нелимовым укрыться от грозившей им опасности и потому была посвящена в происходившие тогда события.

Читатель, впрочем, кое-что уже знает обо всем этом из пролога к моему сочинению. Но я пока что не стану раскрывать тайну рождения Александра Нелимова, приберегая ее на потом, как это делали сочинители в старые добрые времена. Любопытный читатель узнает ее попозже, а сам Александр – только в конце моего повествования или, по крайней мере, в конце одной из многочисленных его частей. Но Старуха знала эту тайну с самого начала.

Александр, почти годовик Поленьки, был не просто красив – он был обворожителен. Внимательный читатель, надеюсь, уже понял это из описания предшествующих событий, и я напоминаю о них, чтобы освежить их в памяти, ибо знаю – читатель забывчив.

Чтобы произвести еще большее впечатление, скажу, что даже княгиня Тверская, Старуха, сама влюбилась в Александра. И если бы она была хоть чуточку помоложе – ей молва давала сто лет, что, видимо, и соответствовало действительности – так вот будь она чуточку помоложе, княгиня забыла бы свой неудачный сердечный опыт с будущим императрицынским фаворитом и – ох, не дай все-таки Бог старухе – бросилась бы в любовный омут. Но сто лет – это как-никак

⁸⁹ *Мила как Божий...* – Источник не установлен.

⁹⁰ *...«жених сыскался ей»...* – Цитата из сказки А. С. Пушкина «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» (1833).

все же сто лет, и княгиня Тверская приберегла Александра Нелимова для своей любимицы, небесного ангела Поленьки.

Я как-то обмолвился, что Соколович – тоже знакомый читателю с первых страниц – один из главных героев моего сочинения. Да, один из главных, но не главный.

О, читатель, все-таки не шпионский роман ты держишь в руках! И Александр Нелимов, именно он, прекрасный Александр и есть главный и даже главнейший герой моего повествования. Повествования, конечно же, в первую очередь о тайных движениях робкого сердца и только во вторую очередь о тайнах интриг и коварных заговоров, пусть даже они и отнимают у меня львиную долю времени и места, как это, к сожалению, и происходит в быстротекущей жизни.

А как бы мне хотелось главной героиней назвать Поленьку! О, тогда бы я тут же забросил куда подальше плащи и кинжалы и исторические хроники, и предавшись желанным мечтам нашего поэта⁹¹, пересказал бы простые речи стариков, взирающих на милые наивные тревоги их детей, выросших в беспорочной сельской тиши среди живительной природы, и описал бы легким пером их первые трепетные встречи у старых лип над струями ручья, их безосновательную, ошибочную, но так ранящую наивное сердце ревность, разлуку, слезы примирения, и вновь ссору из-за пустяка, бесповоротную, когда жизнь окончена не то что в тридцать один год⁹², после суровых испытаний, а в полные ожидания осмнадцать лет, на заре надежд и мечтаний, ну, а далее, конечно же – окончательное примирение и свадебный венец.

Но не стану прельщать читателя и прельщаться сам, пытаюсь выдать желаемое за действительное. Не с прекрасной и милой Поленькой сведет неразборчивая судьба, которую иной раз еще и толкают под руку, Александра, главного героя моего сочинения.

Поэту ведь тоже не удалось осуществить свой простой, но такой желанный план, и он погрузил своих героев в мелочность и несуразность случайностей жизни, а потом ему еще пришлось и выдать замуж героиню за старого израненного генерала, хорошо хоть не охромевшего в боях и сражениях и не безобразного, а только убеленного сединами, что вызывает уважение у юных барышень, но не заставляет их забывать о стройных фигурах молодых гусаров.

Уж я-то постараюсь, имея предшествующий опыт, найти в своем сочинении место для описания волнений юных сердец и нежных взглядов, и слов о неге и страсти тоскующей любви, слов, которые сами собой рождаются у ног неприступной красавицы, повергая ее в смятение, выкроив его, это место, пусть и с трудом, между описаниями интриг двора, политической борьбы и сражений на кровавых полях брани.

Ну, а если главная героиня не прелестная племянница мудрой и всевластной Старухи, княгини Тверской, то кто же? Терпение, дорогой читатель, терпение. Все еще впереди, я и так, забегаая вперед, рассказал о приключении Александра с его соседкой Оленькой Зубковой, героине, которая займет важнейшее место в моем сочинении, но, тем не менее, не первое. Ну, а кому же все-таки назначено автором первое? Увидим, увидим, дорогой мой нетерпеливый читатель, увидим.

⁹¹ ...нашего поэта... – т. е. А. С. Пушкина.

⁹² ...тридцать один год... – Цитата из третьей главы третьей части второго тома романа Л. Н. Толстого «Война и мир» (1863 – 1869).

8. О КРЕДИТОРЫ!

– *Займи, поди!*⁹³

– *У кого прикажете?*

Кредит-то у нас с тобой необширный.

А. Н. Островский.

А пока вернемся к тем людям, которые никогда не дают о себе забыть, а счастливым, которые о них умеют не помнить – напоминают о себе настойчиво и даже назойливо и обычно в самый неподходящий момент и не к месту. Я имею в виду кредиторов.

Кредиторы – люди особенные. Это некая, можно сказать, профессия, ремесло, все они как будто единая корпорация, цех, сословие, класс и даже выдающаяся порода. Они наделены способностями, которыми не владеют простые смертные.

Например, они чувствуют запах золота, вопреки уверениям самых ученых химиков, что этот минерал, редко встречающийся в природе, не обладает запахом. Они видят золото в темноте, ибо их подслеповатые глаза чувствительны к невидимому сиянию, исходящему от этого нержавеющей металла и потому причисляемого к числу благородных, но никого не облагораживающего, а часто даже оказывающего на человека обратное воздействие. Ухо их устроено таким образом, что оно улавливает звон золотых монет – и что еще удивительнее – едва слышимый шелест бумажных ассигнаций – на очень большом расстоянии.

И несмотря на эти уникальные способности, их – кредиторов – никто не любит. Казалось бы, их должны любить и уважать – ведь люди так часто в них нуждаются и с радостью прибегают к их услугам, и они то и дело выручают человека в, казалось бы, крайне затруднительных случаях, помогая отсрочить превратности и безжалостные удары слепой судьбы.

Ведь как ценит человек простое участливое слово, сказанное в тяжелую минуту, просто слово, не подкрепленное ни единой копеечкой, ценит и благодарно помнит. А услуга кредитора, дающего возможность избежать многих неприятностей и бед, услуга, оцениваемая подчас миллионами, а если считать вместе с процентами, то еще и больше, порождает вместо благодарности неприязнь и неудовольствие, а порой и презрение.

Почему? Не есть ли это некая тайна первобытного устройства души человеческой, души, над разгадкой устройства и причудливыми извивами которой часто задумываются мудрецы и философы – задумываются, да так ничего придумать и не могут?

А уж коли так, коли это одна из первоосновных закономерностей бытия, то нам и не под силу разгадать ее, как не под силу понять, скажем, устройство бесконечного атома, а уж тем более причину и цель его существования, а поэтому не будем ломать себе голову, констатируем факт: таковы кредиторы и отношение к ним.

И добавлю, что никому еще не удавалось обмануть, обойти, перехитрить кредиторов, только однажды в истории человечества это сделал французский писатель африканского происхождения А. Дюма⁹⁴, за что ему и поставлен памятник в столице Франции, городе Париже.

Что же касается племянника княгини Тверской, то ему это было не под силу. Кредиторы прекрасно знали и о существовании Поленьки, и о ее нареченном женихе Александре, и о том, что именно им все до копейки оставит Старуха перед тем, как покинуть этот не лучшим образом устроенный мир, который она, Старуха, все-таки устраивала в меру сил по своему разумению и желанию – и уж кто-кто, а она не допустит, чтобы отпрыску проходимца-полячишки, ловко поживившегося около нее, досталось бы что-нибудь по ее доброй воле.

⁹³ – *Займи, поди...* – Цитата из второй сцены первого действия пьесы А. Н. Островского (1823 – 1886) «Таланты и поклонники» (1881).

⁹⁴ А. Дюма – Александр Дюма-отец (1802 – 1870), французский писатель.

И когда Станислав Пржибышевский пытался пустить кредиторам пыль в глаза, этим опытнейшим и осторожнейшим людям, выставя себя наследником несметных богатств Старухи, – той самой княгини Тверской, которая ни разу не бывала в Петербурге, но с которой считалась, как говаривали знающие люди, сама императрица Екатерина II, Старухи, которая на дух не переносила ни немцев, ни немок⁹⁵, ни поляков, Старухи, которая видела людей насквозь, как простое стекло, Старухи, которая была несокрушима и непобедима, – кредиторы вздыхали и разводили руками.

Они складно и вкрадчиво говорили про тяжелое время, про голодные неурожайные годы, про дороговизну хлеба, и не отказывали, нет, откладывали до лучших времен – то есть до того, как уйдет Старуха, а Поленька и Александр, возможно, из жалости и выделят двоюродному братцу деревеньку в сотню душ – вот тогда да, тогда эту деревеньку и можно прибрать к рукам.

А пока... Пока кредиторы выворачивали карманы, демонстрируя настоящую торичеллиеву пустоту⁹⁶, и конечно же, ввали при этом безбожно, не желая рисковать, так как никто не верил, что Станиславу удастся хоть что-нибудь получить после Старухи.

⁹⁵ ...*ни немок*... – княгиня Тверская, по-видимому, недолюбливала императрицу Екатерину II Алексеевну, ставя ей в укор частично немецкое происхождение.

⁹⁶ ...*торичеллиеву пустоту*... – то есть пустоту, обнаруженную в изобретенном итальянским физиком Эванджелистом Торичелли (1608 – 1647) барометре.

9. В НАДЕЖДЕ НА ХАРАКТЕР

*Бабушка надвое гадала⁹⁷.
Народное присловье.*

Толстой же о возможностях Станислава Пржибышевского рассудил иначе. Да, Старуха не оставит нелюбимому племянничку ни полушки. Но Поленька вполне может разделить с ним наследство пополам – ведь каждому из них достанется тысяч по пятнадцать душ, да еще сколько деньгами! И Поленька с ее мягким характером вряд ли откажется поделиться, ведь права-то у них одинаковые – оба, племянник и племянница, от родных сестер.

Это Старухе досадила мошенник-полячок, он увел у нее глупую сестру, а потом еще тащил, как мог, деньги, вот Старуха и разозлилась. А Поленька этого проходимца и в глаза-то не видела, и характером Поленька не в Старуху, добра, как ангел.

Толстому самому пришлось бывать в Москве у Тверских, он-то хотя и беспечен, но подумывал, как посерьезнее устроиться, не век же ему жить с заработков Павлуши. А как можно устроиться – только жениться. Толстой не считался завидным женихом, но тем не менее Толстые все-таки не из последнего разбора. И сам Илья Никитич – мужчина видный. Ни кола, ни двора, это да, верно, зато родни – пол-Петербурга и почитай вся Москва.

А женись он на Поленьке... Он бы женился на ней ради одних борзых. Толстой был заядлым охотником, хотя охотился только в гостях. Своя псарня оставалась для него возжеленной мечтой. Она была для него то же, что для Карла Долгорукова лаборатория по переделке олова в золото, только вот черти ему не помогали завести борзых, как Долгорукову превращать олово и медь в золото. А разбирался Толстой в борзых не хуже, чем Карл Долгоруков в металлах и всяких купоросах.

Борзых не заведешь в городе – тут нужно имение, и хорошее имение. Ах, какие в Тверской губернии леса! Но побывав с визитами у Старухи, Толстой почти сразу понял, что Поленька не по нем. Старуха видела всех насквозь – и самого соискателя богатого наследства, и всю когорту его тетюшек.

И как прощельге, тонконогую полячку удалось увести у нее сестру, уму непостижимо. Хотя, впрочем, можно догадаться, как: нашептывал, нашептывал, подлец, на ухо доверчивой девице всякие нежности вкрадчивым голосом – вот и преуспел. А Толстой-то и нежностей этих не знал, и голос-то у него – только борзых гнать, улюлюкать вместе с доезжачими, да и Поленьку хитрая Старуха не отпускала от себя ни на шаг, да и сама Поленька не очень-то прислушивалась к обольстительным речам.

Но Поленька хоть и не глупа, а все же характером не в Старуху, нет. Она уступит двоюродному брату половину наследства. И родных при ней – никого, кто мог бы отговорить. Разве что по линии Нелимовых...

Но тут ведь есть Павлуша... Павлуша был главным козырем Толстого, основной опорой всего замысла. Ведь Станислав, ничего не получив после тетки, вправе отсудить половину наследства. А если дело поведет Павлуша, то отсудит непременно. Поэтому Станислава можно смело обыгрывать в долг на пару миллионов. Не меньше. У Старухи одних крепостных душ миллиона на полтора.

⁹⁷ *Бабушка надвое...* – Источник не установлен.

10. КОГДА СОБЕСЕДНИКИ НЕ ПОНИМАЮТ ДРУГ ДРУГА

*Вдруг закипит и сделаюсь без понятия*⁹⁸...

А. Н. Островский.

Карлу Долгорукову план не понравился. Он мог привести к скандалу и больше подходил для шулеров того самого игроцкого сообщества, от которого так жестко когда-то отмежевался Карл Долгоруков. Он не боялся скандала и мнения света, но не хотел опускаться до мелких махинаций. Это ставило его в один ряд с людьми, на которых он смотрел свысока и с презрением.

Однако два миллиона – не маленькие деньги, и как раз они-то и могли многое решить... И если Толстой все устроит... Последнее время обстоятельства складывались одно к одному хуже и хуже и требовали денег. Больших денег. Годы шли, Карл Долгоруков старел, ему уже шестьдесят пять, хотя он и выглядел на сорок. Лаборатория поглощала все больше и больше, и как раз сейчас он очень близко подошел к результату – нужны только деньги.

И пора уезжать из России. Сколько ему, Карлу Долгорукову, остается на этом свете? И есть ли тот? Даже если тот свет и есть, то уж чего-чего, а лаборатории там нет... Нужны деньги, чтобы лет десять спокойно обдумать – что это такое, эта прошедшая, да, уже прошедшая жизнь. Десять лет где-нибудь в Швейцарии или Англии... И чтобы рядом никого, кто понимал бы, более того, сам не произносил бы ни слова по-русски.

Русская речь была единственным, что отвлекало Карла Долгорукова от высшего существования, опускало на землю и делало таким же человеком, как и все презираемые им люди.

И еще деньги, вернее, их отсутствие. Два миллиона Старухи, княгини Тверской... Карл Долгоруков хорошо знал Старуху и считал ее чуть ли не равной себе, уж больно крепка она. Да и живет, вон уж сто лет... Хотя какие там сто лет, все это сказки, Старухе лет семьдесят, не больше...

– Наследство княгини Тверской... – задумчиво проговорил Карл Долгоруков, еще раз про себя удивляясь коварному хитроумию простака Толстого, потомка того самого графа, удюшившего подушкой царевича-сына, чтобы выслужиться перед царем-отцом, – она еще, может, нас переживет. Это она только с виду – древняя старуха.

– Куда, помилуй, Карл Иванович, сто лет, кто ж это больше живет. Пора и честь знать. Ты только карточку сбрось, а со Станиславом я сам, – суетливо заторопился Толстой.

– Слушай, Толстой, – холодно, раздражаясь, сказал Карл Долгоруков, – карточку ты сам сбрось. Карточка, она еще как ляжет.

Толстой pokrылся холодным потом. Он знал, что если Карл Долгоруков начинает говорить со слова «слушай», это свидетельствует о крайней степени его раздражения. Слово «слушай» отделяло того, к кому обращался Карл Долгоруков, всего одним шагом от дуэли, и, следовательно, от смерти, хотя последние лет тридцать Карл Долгоруков никого не вызывал и не убивал за отсутствием надобности утверждать свой авторитет, он и без того был недостижимо высок.

Общаясь с Карлом Долгоруковым многие годы, Толстой несколько раз оказывался в таком положении – правда, от дуэли его отделял не шаг, а два – тому, кого Карл Долгоруков считал природным глупцом, он делал скидку и давал возможность исправиться и выпросить прощение.

⁹⁸ *Вдруг закипит...* – Цитата из первой сцены седьмого явления пьесы А. Н. Островского «Не было ни гроша, да вдруг алтын» (1871).

– Карл Иванович, я ведь... Я что... Да ради Бога, я ведь... Карл Иванович, – залепетал Толстой.

Карл Долгоруков посмотрел на повизгивающего от испуга Толстого и вспышка раздражения прошла, заменяясь спокойно-привычным недовольным раздражением.

– Ладно, Толстой, – сказал Карл Долгоруков.

Толстой облегченно вдохнул и потихоньку выдохнул, чтобы не привлечь внимания и хоть как-то скрыть облегчение. Он никогда не понимал причины неожиданного раздражения Карла Долгорукова, который за выражение «сбрось карточку», употреблявшееся в жаргоне шулеров, действительно мог убить, на дуэли конечно – проткнуть насквозь шпагой или хладнокровно вклепать пулю в лоб. Согласно легендам, Карл Долгоруков всех своих противников, которым довелось с ним на поединке (кроме тех, кого заколол шпагой), убивал именно так – точно в лоб, чтобы ни у кого не вызвала сомнений серьезность его намерений и никто не мог бы упрекнуть его в том, что он неаккуратно относится к делу.

Толстому, близко знавшему Карла Долгорукова, было невдомек даже то, что тот не переносил обращения по имени-отчеству, подчеркивавшему его принадлежность к русским и к немцам как таковым. Русских он презирал как нелепое, бестолковое, никчемное явление, а немцев презирал и того больше.

В эту минуту в комнату вошел, как всегда без стука, тихо, неслышно, словно вор, ступая своими огромными ногами циклопа, Прокопий. Карл Долгоруков поднял глаза на слугу.

– Кофий подавать? – спросил Прокопий.

Во взгляде Карла Долгорукова мелькнуло удивление – нелепее вопроса он не ожидал услышать. Но зная Прокопия, Карл Долгоруков тут же сообразил, что случилось что-то, о чем Прокопий не хочет говорить при Толстом.

Взглянув на Толстого, Карл Долгоруков невольно подумал: «Сказать бы Прокопию, чтобы придушил тебя своими ручищами – миг бы и придушил, ты бы и хрюкнуть не успел» – в добродушном лице Ильи Никитича сияло что-то неуловимо мило-пороссячье. Но вместо этого Карл Долгоруков сказал:

– Хорошо, Толстой. Я подумаю, – и добавил не церемонясь, – иди.

Толстой поднялся с кресла и, пятясь задом, заискивающе улыбаясь и молитвенно радуясь, что на этот раз пронесло, Бог опять миловал, вышел из комнаты.

– Господин Соколович пожаловали. Я провел в кабинет, – объяснил Прокопий, как только за Толстым закрылась дверь.

«Насколько же этот циклоп, этот одноглазый преданный медведь в образе человека умнее Толстого», – подумал Карл Долгоруков и тут же вспомнил, что Прокопий вместе «со старым барином» разбирал «Начала» Евклида⁹⁹, которые, конечно же, недостижимы для ума графа Толстого, даже если бы он обратился за помощью ко всей своей многочисленной родне, сильной семейным советом, особенно в городе Москве, хотя и в Петербурге также, где Толстых в последнее время развелось не меньше, чем в первопрестольной.

Прокопий несколько раз видел Соколовича, помнил, что однажды он уже разговаривал с барином наедине. Поэтому он и отвел Соколовича в кабинет, а чтобы не заставлять его долго ожидать – Толстой ведь мог болтать часами – нашел способ доложить барину о важном, как понимал Прокопий, посетителе, причем так, чтобы об этом не узнал Толстой.

Оказавшись в кабинете Карла Долгорукова, Соколович прислушался к удаляющимся шагам Прокопия. Прокопий, несмотря на свой огромный рост и кажущуюся медвежью неуклюжесть, ходил неслышно. Поэтому Соколович приоткрыл дверь кабинета, выглянул и, убе-

⁹⁹ *Евклид* – Евклид (III век до н. э.), величайший из геометров, отец геометрии, главный труд которого «Начала» стал началом математического осмысления мира, а его параллельные прямые, уходящие в неведомые дали, по сей день не дают покоя всякому, кто задумается о том, сойдутся ли они там, вдали, в одной точке или нет.

дившись, что поблизости никого нет, закрыл дверь, быстро подошел к столу и осмотрел лежавшие на нем бумаги.

Это были записи по химии. Отойдя к книжным шкафам, Соколович начал изучать корешки книг. Как он и предполагал, все книги относились к химии и минералогии. Среди них не нашлось ни одного романа, никаких исторических или философских сочинений – даже Плутарха¹⁰⁰, никаких описаний путешествий или животного мира.

Только первоначальная материя, первооснова мира, холодная и величественная в своей непостижимости и безразличии, интересовала хозяина кабинета.

¹⁰⁰ *Плутарха* – Плутарх (45 – 127 гг. до н. э.), древнегреческий философ и писатель, автор книги «Сравнительные жизнеописания выдающихся греков и римлян», которая вывела в люди очень многих выдающихся и не выдающихся деятелей всех времен и народов.

11. КОГДА СОБЕСЕДНИКИ ПОНИМАЮТ ДРУГ ДРУГА

Незванный гость¹⁰¹...
Часть русской пословицы.

Карл Долгоруков вошел в кабинет. Он сдержанно, но заметно недовольно кивнул головой, жестом руки пригласил гостя в кресло и спросил:

– Чем обязан посещением? – и сам уселся напротив незваного гостя.

Соколович изредка появлялся в игорном салоне Карла Долгорукова, играл без особого интереса, ставил небольшие деньги, – легко догадаться, что приходит он не ради карт и не из-за денег, а чтобы пообщаться с посетителями. Карл Долгоруков сразу обратил на него внимание и никогда не «сбрасывал» ему нужную карту – Соколович изредка проигрывал, иногда выигрывал, но всегда немного, рублей сто-двести. И вот однажды он попросил Карла Долгорукова переговорить с ним с глазу на глаз.

Оставшись вдвоем, Соколович сказал, что в связи с чрезвычайной ситуацией просит оказать ему одну важную и необычную услугу. Завтра он придет вместе со своим молодым приятелем, тот ни разу в жизни серьезно не играл в карты на деньги, да, скорее всего, никогда и не будет играть, так как не имеет такой склонности, но для него очень важен результат игры, которой он решил подвергнуть себя завтра.

Крупный проигрыш или же крупный выигрыш может оказать очень сильное влияние на его «философическое состояние» (так выразился Соколович) и повлиять на всю его дальнейшую жизнь. Понимая это, он – Соколович – как старший и имеющий опыт в такого рода тонких материях хотел бы оградить своего молодого друга от некоторых суеверий и навязчивых мистических страхов.

Поэтому он оставляет Карлу Долгорукову сто тысяч рублей и просит так «сбросить» завтра карту, чтобы спутник Соколовича выиграл эти деньги.

Из всего сказанного Соколовичем вытекало, что ему хорошо известно, как идет игра в салоне Карла Долгорукова, и то, что хозяин волен «сбросить» любую карту налево или направо по своему усмотрению.

Карл Долгоруков внимательно посмотрел на странного просителя и задумался на несколько минут. Обычно в таких случаях он принимал решение мгновенно и оно стоило его сопернику жизни. Соколович не походил на человека, подосланного из игроцкого сообщества, да и вообще на шантажиста или какого-нибудь авантюриста.

От этого человека веяло огромной силой. Но не угрозой. Хотя сила эта могла перейти в угрозу – не пустую, а действительную, перейти в опасность, ведущую к смерти. Впервые в жизни Карлу Долгорукову пришлось столкнуться с человеком, равным себе.

Было бессмысленно вызывать Соколовича на дуэль. По его виду легко понять, что он хорошо владеет шпагой, и к тому же он моложе и физически явно сильнее стареющего Карла Долгорукова. Но дело не в физической силе и фехтовальном мастерстве. Очевидно, что этот человек безо всяких затруднений способен убивать людей не только на дуэлях, а любым способом, когда ему это по каким-либо причинам необходимо.

И обращается он к Карлу Долгорукову как к равному, признавая за ним его право делать на своей территории все, что ему угодно, не вмешиваясь в его право «сбрасывать» любую карту из колоды по своему желанию – налево или направо, так, как ему нужно.

¹⁰¹ *Незванный гость...* – Вариант первой части русской пословицы «Непрошенный гость хуже татарина». Вторая часть не приведена, видимо, из нежелания вводить читателей в заблуждение относительно национальности Соколовича, который был не татарин, а русским, хотя и с польскими корнями.

«Я прошу, князь, вашей помощи, так как оказался в затруднительном положении, и всегда, если это потребуется, сам готов оказать таковую, если вы когда-либо обратитесь ко мне», – мягко, не допускающим отказа тоном, как будто говорил Соколович. Карл Долгоруков чуть приподнял брови, словно хотел сказать в ответ: «Я удивлен вторжением на мою территорию, но если это просьба о помощи в затруднительном положении, я, в силу своего здравомыслия, понимая вашу силу, вынужден оказать вам содействие, о котором вы просите, чтобы предотвратить столкновение между нами, возможное из-за вашего вторжения».

И Соколович прекрасно понял несказанное вслух Карлом Долгоруковым. И тем не менее он объяснил, уже вслух, что для «философического впечатления» его молодого друга нужно, чтобы в то время, когда он выиграет большую сумму, кто-то крупно проиграл, ну, например, бригадир Свинын¹⁰², да, да, именно Свинын, хорошо известный своим пристрастием к игре он последнее время почти каждый вечер проводит в салоне Карла Долгорукова.

Карл Долгоруков согласился и на это, как человек, позволивший вежливо немного подвигнуть себя, позволяет сделать это еще раз, если это опять делается так же вежливо и без нарушения приличий, с принятыми в таких случаях извинениями и изъявлениями уважения.

В тот же вечер Соколович пришел в салон и привел с собой молодого человека, стройного, застенчивого красавца в красном, прекрасно сшитом кафтане. Толстой успел шепнуть Карлу Долгорукову, что это Дмитриев-Мамонов, флигель-адъютант самой императрицы. Карл Долгоруков «дал» ему несколько небольших ставок, несколько для вида «убил», а потом карта за картой юноши выигрывала куш за кушем.

Все, кто играли вместе с молодым человеком, прекратили понтировать и следили за его игрой – все, кроме бригадира Свинына – тот ставил одну карту за другой и проигрывал, в то время как флигель-адъютанту везло – его выигрыш составил сто тысяч – так много в салоне у Карла Долгорукова редко кто выигрывал. А упорство бригадира стоило ему тридцать тысяч, для Свинына, – это знали все – деньги очень большие.

Карл Долгоруков помнил, что Дмитриев-Мамонов происходил из знатного рода, восходившего к древним Смоленским князьям. Ко двору он попал благодаря Потемкину, тот доводился красавцу-юноше очень дальним родственником и по знатности уступал ему стократ.

Свинын был лет на двадцать старше Дмитриева-Мамонова, крупнее и сильнее. По родовитости Свиныны почти равнялись с Дмитриевыми-Мамоновыми. Однако юный флигель-адъютант – чином, кстати, тоже превосходивший бригадира – недавно получил графский титул. Свинын заслужил свой чин во время первой турецкой войны под командованием Румянцева¹⁰³, а он, как известно, чины раздавал не за красивые глаза и стройный стан.

Свинын славился несдержанностью на резкие слова, пренебрежительным отношением ко всем нерадивым выскочкам, заполонившим в последнее время армию, и язвительной грубоватой насмешливостью. А кроме того, он болезненно реагировал на малейший карточный проигрыш, похоже, ему казалось, что и карту банкومت должен «давать» или «убивать» по чину и боевым заслугам понтера.

Карл Долгоруков обычно следил, чтобы он не проигрывал много. Но на этот раз в присутствии Дмитриева-Мамонова в Свинына вселился какой-то бес, он «загибал»¹⁰⁴, увеличивал ставки и просадил все, что у него было с собой, причем совершенно случайно с собой у него много денег, большую часть их он совершенно не собирался пускать в игру.

¹⁰² *Свиныны* – старинный дворянский род, известный с XV века.

¹⁰³ *Румянцев* – Петр Алексеевич Румянцев-Задунайский (1725 – 1796), граф и генерал-фельдмаршал, внебрачный сын императора Петра I Алексеевича, победитель турок при Рябой Могиле, Ларге и Кагуле. К концу жизни он возненавидел свою сестру, подругу императрицы Екатерины II Алексеевны, бывшую замужем за Я. А. Брюсом – «Брюсиху» и стал холоден к своим сыновьям.

¹⁰⁴ ...«загибал»... – загнуть угол карты при игре в «банк» означало удвоить ставку.

Когда выигрыш Дмитриева-Мамонова дошел до ста тысяч, он восхищенно-вопросительно взглянул на Соколовича. Соколович сделал рукой жест, который означал «Ну, я ведь говорил», – Соколович, по-видимому, перед тем как привести Дмитриева-Мамонова в салон, уверял его, что новичкам всегда везет.

В наступившей тишине раздалось недовольное сопение Свинына и он вдруг сказал:

– Не диво, граф, везенье. Я слышал Потемкин приехал, вам в любви на время отставка, потому и в картах удача.

Дмитриев-Мамонов отшатнулся от этих слов как от пощечины и лицо его залилось нежной краской.

– Господин Свинын, – вмешался Соколович, – это я рекомендовал графу общество, надеясь, что здесь собираются порядочные люди. Я привык отвечать за свои слова.

Свинын, выпучив глаза и покрывшись багряными пятнами, хотел что-то ответить, но не успел. Соколович тыльной стороной ладони ударил его по лицу.

Из всех присутствующих только Карл Долгоруков, обладавший феноменальным глазомером, заметил, что это не совсем обычная пощечина. Соколович ударил без замаха, но с такой силой, что у иного от такого удара высыпались бы зубы. Взбешенный Свинын вскочил. Соколович остался сидеть.

– Честь имею принять ваших секундантов, – бросил ему Соколович и обратился к Дмитриеву-Мамонову, – граф, прошу вас извинить меня за это маленькое приключение.

Оставленный без внимания, Свинын повернулся на каблуках и выбежал из комнаты. Соколович и Дмитриев-Мамонов поднялись, спокойно вышли следом.

Повисла тишина – еще минута и все принялись бы обсуждать произошедшее.

– Господа, думаю это недоразумение не повод прерывать банк, – безразлично заметил Карл Долгоруков, – Толстой, ты ведь хотел понтировать.

Толстой послушно сел к столу и игра продолжилась. Событие не переросло в шумный скандал. Слухи, конечно же, пошли, но быстро утихли. Тем более что дуэль, состоявшаяся между Соколовичем и Свиныным, закончилась без смертельного исхода. Соколович серьезно ранил Свинына, но всего лишь в руку – он, похоже, владел шпагой, как Карл Долгоруков колодой карт. Свинын через несколько дней уехал из Петербурга. Дело не получило нежелательной огласки.

Карл Долгоруков не понял смысла спектакля, разыгранного Соколовичем. Зачем он все это устроил? Чтобы продемонстрировать перед фаворитом императрицы свою готовность защищать его честь от злоязычия какого-то Свинына? Но Свинын, тем не менее, прав. Кто такой Дмитриев-Мамонов? Выходец из уважаемого рода? Да. Но кто он таков сам по себе?

Мальчишка, которого Потемкин поместил в постель стареющей Екатерины. Дабы на это место не пролез кто-то из недоброжелателей светлейшего князя. Мальчишку действительно выставляют из спальни, когда Потемкин на время возвращается в Петербург из своих южных владений, – их он, впрочем, получил за те же заслуги, и тем же орудием, что и Дмитриев-Мамонов свой флигель-адъютантский мундир.

Что же хочет Соколович? Кто кому протезирует – он Дмитриеву-Мамонову или сам рассчитывает на его протекцию? И кто такой Соколович?

12. НАДЕЖДЫ ЮНОШЕЙ

Надеяться – верить, уповать¹⁰⁵, считать исполнение своего желания вероятным.

В. И. Даль.

Все эти вопросы показались бы неинтересны Карлу Долгорукову, не окажись он – почти против своей воли – втянутым в непонятную интригу. Или интрижку? Карл Долгоруков испытывал даже какую-то непонятную симпатию к Соколовичу. Такую симпатию вызывает сила. Вместе с этим возникало раздражение.

Кто он такой, этот Соколович, чтобы использовать его, Карла Долгорукова, в своих целях? Целях, возможно, глупых, незначительных, мелких, или важных – может, затевается какой-нибудь переворот. Но каковы бы ни были эти цели, что до них ему, Карлу Долгорукову?

И вот Соколович приходит снова. Он что же вообразил, что Карл Долгоруков станет послушным пособником, и им можно распоряжаться по своему усмотрению? И использовать как пешку в своих играх, вслепую по мере надобности? Соколович, если он умный человек, – а он производит впечатление умного и сильного человека – должен бы сообразить, что Карл Долгоруков уж никак не меньше его самого, Соколовича.

А если он этого не понимает, то, значит, он не умеет оценить обстоятельств или же он просто-напросто глуп. Тогда можно ли иметь с ним дело? Да, он понял, определил, он знает, что Карл Долгоруков играет «наверняка». Если это станет известно всем... Ну, во-первых, кто поверит Соколовичу, кто он такой? Впрочем, да, главный вопрос: кто он такой. И это придется выяснять.

– Князь, – учтиво начал Соколович, он, в отличие от Толстого, знал, что Карлу Долгорукову неприятно обращение по имени-отчеству, немецко-русскому одновременно, – я благодарен за услугу, оказанную мне по моей просьбе, и хочу еще раз напомнить, что считаю себя должником и всегда готов служить по первому же требованию в меру моих сил, если возникнет необходимость в таковой службе.

Карл Долгоруков чуть кивнул головой в знак согласия и подумал: «Ну что ж, так-то лучше. А что касается оплатить за услугу, кто знает, может, тебе и придется за нее рассчитаться. Всякое бывает». Несмотря на попытку настроить себя против Соколовича, Карл Долгоруков испытывал невольное влечение и интерес к этому человеку.

– Князь, – продолжал Соколович, – я решил обратиться еще с одной просьбой. Я не хотел бы показаться бестактным и назойливым. Хотя мы и не знакомы близко и доверительно, я, тем не менее, испытываю к вам глубочайшее уважение и надеюсь на понимание. Услуга, о которой я хочу попросить – род светской условности...

– Я готов оказать вам, господин Соколович, любую услугу, если того позволяют мои возможности. В чем же дело? – насторожился Карл Долгоруков.

– Я не представлен господину Ростопчину, и в силу некоторых обстоятельств не хотел бы иметь этой чести. Однако у меня возникла необходимость познакомиться с ним одного молодого человека. Ростопчин иногда появляется у вас, и если вы не сочтете за труд представить ему моего протеже, я буду многим обязан.

– Кто этот молодой человек? – спросил Карл Долгоруков и добавил про себя: «И какой спектакль ты хочешь устроить на этот раз?»

¹⁰⁵ *Надеяться – верить, уповать...* – Цитата из статьи В. И. Даля (1801 – 1872) «Надеяться» из «Толкового словаря живого великорусского языка» (1881).

– Это сын небезызвестного господина Костеникина, вам, князь, видимо, приходилось слышать об этом человеке?

– Да, что-то слышал. Но очень давно. Какой-то жулик из сенатских.

– Господин Костеникин лет пятнадцать тому назад выехал на жительство в Париж, имея к тому значительные средства. Он уже умер. А сын его, лишившись на бирже средств, собранных рачительным родителем, оказался в трудных финансовых обстоятельствах.

– С молодыми людьми это иногда и даже довольно часто случается, – усмехнулся Карл Долгоруков.

– Да, молодость неопытна. Но как раз в это время, совершенно случайно к нему попал один документ, его, по мнению юноши, можно продать в Петербурге – за довольно большую сумму, а может, и не такую большую, как ему кажется – что и поправило бы его финансовое положение, и позволило бы с уже с накопленным опытом продолжить свои дела на бирже. С этой целью он и явился ко мне с рекомендациями от людей из Парижа, которым мне неудобно отказать.

– Какого же рода этот документ? – спросил Карл Долгоруков и внимательно посмотрел на Соколовича, но тот, ничуть не смутившись и ничего не скрывая, объяснил.

– Это письмо императрицы Екатерины к барону Гримму, с которым у нее переписка. Барон, как известно, разносит ее философические мысли, почерпнутые из сочинений господ Монтеスキе и Гельвеция, по модным парижским салонам – парижское общество в восторге от ума просвещенной монархини. Что же касается письма, попавшего к молодому Костеникину, то я из любопытства заглянул в него – в письме императрица обмолвилась, просто мимоходом, что после себя возведет на престол внука Александра, а не сына Павла, как то должно по обыкновению.

Карл Долгоруков приподнял брови, выражая тем самым удивление как неосторожностью императрицы, так и откровенностью Соколовича.

– И как же это письмо, адресованное совсем не к господину Костеникину, попало ему в руки?

– Этого я не знаю, – пожал плечами Соколович, – скорее всего, он купил его у кого-либо из слуг барона или у его горничной – если она молода и на парижский манер склонна к романтическим приключениям. Не знаю.

«Все-то ты знаешь. И, скорее всего, сам купил это письмо. Если не сам написал его», – подумал Карл Долгоруков и спросил:

– Не может так случиться, что письмо поддельное?

– Мне известна рука императрицы. Думаю, что это не подделка.

– И если письмо через Ростопчина попадет к великому князю...

Карл Долгоруков не продолжил фразу, давая возможность сделать это Соколовичу.

– То, по мнению юного Костеникина, великий князь за него хорошо заплатит, что, впрочем, возможно и не совсем так.

– Почему же?

– Насколько я знаю, великий князь крайне стеснен в деньгах.

– Да, я тоже слышал об этом. Говорят, он получает на год для прожития столько, сколько Потемкин иногда тратит за день, – усмехнулся Карл Долгоруков.

– А сама Екатерина за ночь... – поддержал шутливый тон Соколович.

– А если это письмо попадет не к великому князю, а к Шешковскому¹⁰⁶? – вернулся к серьезному разговору Карл Долгоруков.

¹⁰⁶ *Шешковский* – Степан Иванович Шешковский (1727 – 1794), глава Тайной экспедиции императрицы Екатерины II Алексеевны. От одного его имени некоторые современники падали в обморок, а некоторые так сразу умирали от разрыва сердца.

Имя Шешковского, начальствовавшего над Тайной экспедицией, возродившейся из отмененной второпях несостоявшимся императором Петром III страшной Тайной канцелярии, наводило ужас на жителей столицы. Оно не пугало Карла Долгорукова – его невозможно было испугать именем кого-либо из людей. И тем не менее люди, подобные Шешковскому, когда-то, не моргнув глазом, расправились с предками Карла Долгорукова, занимавшими куда более высокое положение и – казалось бы – обладавшими огромной властью, богатством и влиянием.

– Я предупреждал юношу, – ответил Соколович, – но ему нужны деньги... Это часто толкает к неосторожным шагам.

– Но, господин Соколович, я ведь не юноша, и меня ничто не принуждает впутываться в такого рода дела. Если хотите, я представлю Ростопчину вас. А вы уж сами сведете его с кем вам угодно...

– Ах, князь, поверьте, ничто не бросит на вас тень, если вы представите Ростопчину Костеникина. Ведь вам не обязательно знать содержание письма...

– Но почему вы не хотите сделать это сами?

– Видите ли... Есть обстоятельства... Ростопчин близок с великим князем... Ростопчин не знаком со мной. И если это сделаю я, он, разумеется, захочет определить, какую роль я играю во всех тех противоборствах между большим двором императрицы и малым двором великого князя. Поверьте мне, князь, я никакой роли в этой борьбе не играю и не хочу играть. Однако благодаря склонности к познанию разных иноземных языков и интересу к математическим исчислениям я когда-то сотрудничал со знаменитым академиком Эйлером¹⁰⁷ – мы с ним вместе не из любопытства читали депеши иностранных послов, писанные тайными знаками. Не господину же Шешковскому заниматься этими делами. Он и по-русски то разбирает плохо, а из иноземных своего родного польского толком не знает. Так что я даже числюсь по ведомству Тайной экспедиции. И Ростопчину не составит особого труда все это узнать. Конечно же, он вообразит, что тут кроется коварная интрига против великого князя. И письмо – поддельное. А между тем я уверен, письмо настоящее, руку императрицы я знаю хорошо. Да и дело не в этом. Бедный юноша ни с чем уедет в Париж. А в этом славном городе жить без денег совсем не весело. И поэтому единственное, что движет мною, это желание помочь юноше, приехавшему за тысячи верст в надежде устроить свои финансовые дела. Ведь согласитесь, князь, нет ничего печальнее неоправдавшихся надежд.

Концовка монолога Соколовича возымела неожиданное, казалось бы, действие на Карла Долгорукова.

– Ну что ж, – сказал он, – довод вполне убедительный. Юношеские надежды материя тонкая и хрупкая. Хорошо, я представлю вашего бедного юношу Ростопчину.

А когда Соколович после витиеватых слов благодарности откланялся и ушел, Карл Долгоруков и сам бы не смог объяснить, почему он вдруг согласился сделать то, чего делать по здравому размышлению не следовало бы.

Если читателя посетит то же недоумение, то я, зная все тонкости психологического воздействия, которое умел оказывать Соколович на любого человека, могу пояснить, в чем дело. Соколович давно уже наблюдал за Карлом Долгоруковым и изучил его характер до малейших подробностей, в том числе и скрытых от самого Долгорукова. В глубине души, сам того не ощущая, Карл Долгоруков восхищался игрой Соколовича, и требовался самый малейший повод, толчок, удачное слово, чтобы Долгоруков подыграл любой интриге, покажись она ему красивой, как изящный розыгрыш, когда карта, которая должна лечь налево, но послушно воли понтирующего ложится направо.

¹⁰⁷ *Эйлер* – Леонард Эйлер (1707 – 1783), швейцарский математик и астроном, с 1727 года жил в России (в 1741 – 1766 жил в Берлине). С 1766 года – академик Петербургской Академии наук.

13. КТО ЖЕ ТАКОЙ СОКОЛОВИЧ?

*Есть многое на свете¹⁰⁸,
друг Горацио,
что и не снилось нашим мудрецам.*

У. Шекспир.

И тем не менее после ухода Соколовича Карл Долгоруков надолго задумался. К чему сия интрига, и не лучше ли уклониться от даже косвенного к ней причастия? Понятно, это нужно Соколовичу. Но зачем это ему, Карлу Долгорукову? Хотя даже непонятно, зачем это Соколовичу.

Уж, конечно, не для того, чтобы помочь бедному юноше, приехавшему издалека, чтобы заполучить денег для веселой жизни в славном городе Париже и оградить его, этого бедного юношу, от разочарований и несбывшихся надежд. Костеникин этот, отпрыск папаши – судейского дельца, хищной крысы, прогрызшего насквозь сенатские коридоры и утащившего миллионы в Париж, чтобы укрыться от полагавшейся ему по делам его Сибири. Если еще сей юноша действительно прибыл из Парижа, а не придуман Соколовичем для удобства своих дел. Ну, это легко проверить... Знать бы на всякий случай, кто таков сам Соколович...

Понятно, интрига направлена в сторону великого князя Павла Петровича. О том, что императрица хочет посадить на трон внука в обход отца, поговаривали и раньше. Да и сам Павел Петрович об этом не мог не слышать. Конечно же он догадывается об этом. Догадывается, но не верит. Не хочет верить! Ведь трон-то фактически принадлежит ему, правнуку Петра Великого. Великих дел натворившего. Наследникам дел этих не расхлебать что по первоначалу, что сейчас. Павел Петрович не хочет, не хочет верить в такое против себя беззаконие – пусть она, Екатерина, творит это беззаконие при жизни, но не за гробом же. Дождется ли он вождеденного трона?

Ему давно бы пора на престол, по своим правам. И помощники подсадить найдутся. Не из их ли числа Соколович?

Подсадить Павла на престол уже пытались. Это случилось, кажется, перед самой пугачевской историей. Что-то такое там тогда произошло... Там – во дворце. Но не получилось, кашу тогда варил Панин¹⁰⁹. Масон. Не масон ли Соколович? Не похож. Умен, не одержим. Масона без труда узнаешь по затаенному взгляду... Что-то там произошло тогда, во дворце... Панина выгнали вон. Казалось бы, Екатерине не по силам тогда свалить Панина, а свалила, и Панин тихо сошел на нет...

Панин был воспитателем великого князя Павла Петровича, назначенным еще императрицей Елизаветой Петровной к любимому внуку. Тоже подумывавшей посадить внука в обход отца, «гольштинского чертушки» – так его называла еще императрица Анна Иоанновна, окажись он поближе, она бы нашла способ придушить петровского последыша.

¹⁰⁸ *Есть многое на свете...* – Цитата из пятой сцены первого действия пьесы У. Шекспира (1564 – 1616) «Гамлет» (1601), в переводе М. П. Вронченко (1801/1802 – 1855) 1825 года.

¹⁰⁹ *Панин* – Никита Иванович Панин (1718 – 1783), несостоявшийся по неопытности молодых лет любовник императрицы Елизаветы Петровны, приставленный ею позже воспитателем к внуку Павлу, будущему императору Павлу I Петровичу. Панин усердно помогал ссадить с престола императора Петра III Федоровича, чтобы для вида посадить на его место своего воспитанника, а самому заправлять делами и даже ввести в России конституцию, до наших дней никому из порядочных людей не нужную, потому как и без нее хорошо. Но Панин слегка замешкался, и трон заняла Екатерина II Алексеевна, как раз в тот момент находившаяся рядом с этим троном, и не пустившая на него ни сына, ни его хитроумного воспитателя. Панин при императрице Екатерине II руководил Коллегией иностранных дел, пока Екатерина II, в конце концов, не спровадила его подальше и от трона, и от двора, а Коллегией, ничуть не затрудняясь хлопотами, стала руководить сама.

Панин держал в руках иностранную Коллегию. Мастерил Россию под Пруссию – не за взятки и пенсии, как до него Бестужев, а по своим масонским высшим соображениям. Что-то у них тогда не получилось, там во дворце. Казалось бы, сила на их стороне. Орловых¹¹⁰ к тому времени уже удалили. Потемкин еще не вошел в силу. Павлу Петровичу исполнилось совершеннолетие. Его на трон, матушку в монастырь – еще ведь «гольштинский чертушка» собирался ее туда упрятать, да она с Орловыми его опередила... И в этот раз опередила, теперь уже его сына...

Там еще была первая невестка, Наталья Алексеевна¹¹¹ – она же потом и умерла родами. Сама ли или ей помогли... Но так или иначе – ушла в мир иной... Там же всплывал сынок Разумовского¹¹²... Они бы Павла прибрали, как некогда его родителя – если, конечно, с помощью «гольштинского чертушки» родила Екатерина на свет божий Павла, теперь так сильно мешающего. Его она давно бы отправила следом за «гольштинским чертушкой», но тогда кто есть Екатерина? На Павле-то она и держится... И вот Панина – в отставку, почетно, с орденом и наградами, но из дворца вон, и от дел в сторону. Наталью Алексеевну – в могилу. Сынка Разумовского – послом в Неаполь. А Павлу – новую жену и в Гатчину, тоже подальше от дворца. А там, глядишь, и Потемкин... Двоих их не свалить.

Но время пришло. Потемкин далеко. Павел заждался своего часа. Соколович, Соколович... Откуда он взялся? Но Соколович не сынок Разумовского. И даже не Панин. Соколович мог бы... Откуда же он все-таки взялся? Надо бы спросить у «Родственничка».

¹¹⁰ Орловы – не старинный русский дворянский род, более всего известный с тех самых времен, когда Григорий Григорьевич Орлов (1734 – 1783) стал фаворитом императрицы Екатерины II Алексеевны.

¹¹¹ Наталья Алексеевна – Вильгельмина-Луиза Гессен-Дармштадтская, в православии Наталья Алексеевна (1755 – 1776), с 1773 года великая княгиня, первая жена великого князя Павла Петровича.

¹¹² ...сын Разумовского... – Андрей Кириллович Разумовский (1752 – 1836), сын Кирилла Григорьевича Разумовского (1728 – 1803), брата фаворита императрицы Елизаветы Петровны, Алексея Григорьевича Разумовского (1709 – 1771), происходившего с хохляцкого хутора Лемеша.

14. РОДСТВЕННИЧЕК

*Родство дело святое¹¹³, а деньги дело иное.
Русская пословица.*

Карл Долгоруков позвал Прокопия.

– Съезди в таможную, узнай, когда прибыл из Парижа господин... чина не знаю, Костеникин. А потом купи фунта два лучшего кофию, осетрины для обеда и привези «Родственничка».

«Родственничком» Карл Долгоруков называл известного всему Петербургу и Москве Долгорукова, происхождение которого было не совсем ясным и который, как и сам Карл Долгоруков, держал себя вне семейства Долгоруковых.

Карл Долгоруков называл его «Родственничком» именно потому, что всех остальных Долгоруковых таковыми не считал и подавно, и знаться с ними не хотел. И как однажды велел кухарке высечь пожаловавшего к нему шулера, так приказал бы попотчевать розгой любого, самого знатного и важного представителя знаменитого семейства, заявись он к нему в дом.

Этого же Долгорукова, которого другие называли «Шутом», «Юродивым князем», «Новым Диогеном»¹¹⁴ (а сам он себя – «Русским Тацитом»¹¹⁵), Карл Долгоруков, особо не жалуя, признавал, если и не родственником, то все-таки хоть «Родственничком». И когда приходилось к нему обращаться, терпел его язвительные речи.

Сам «Русский Тацит» не знал доподлинно каким образом он явился в этот мир с фамилией Долгоруков. Касаясь этого вопроса, он называл себя «Подкидышем». Согласно его рассказам, Долгоруковы подкинули его России. А определить, что это сделал именно кто-то из Долгоруковых, можно по корзинке, в которой его подбросили.

Этой корзинкой было сельцо Оболенское Большое, как его именовали сами жители, или просто Оболенское – так его называли все, кто знал о его существовании, в отличие от Оболенского Малого, что на Протве, оно стало со временем городом Оболенском, позднее опять переведенным в разряд села.

Оболенск считался родовой вотчиной князей Оболенских¹¹⁶, от них и пошел род Долгоруковых. На самом же деле, таковой вотчиной было сельцо Оболенское Большое, древнее поселение, запрятанное в лесной глуши. Сельцо это состояло из трех десятков изб и древнейшей церквушки, по преданию, существовавшей со времен нашествия монголов. Позднейшие выходцы из Оболенского Большого обосновались верстах в сорока, на реке Протве – так возникло Оболенское Малое на Протве, или просто город Оболенск.

Долгоруков «Русский Тацит» появился на свет без отца-матери в забытой Богом и людьми глуши, недостижимой не только для монголов в давние времена, но даже для волостных властей во времена нынешние, в сельце Оболенское Большое.

Существует три легенды о происхождении «Русского Тацита». Согласно первой он был плодом греховной любви одного из самых знаменитых представителей семейства Долгоруковых, князя Якова Федоровича Долгорукова¹¹⁷. Знаток древних и новых языков, посол во Фран-

¹¹³ *Родство дело святое...* – Пословица из статьи В. И. Даля «Рождать» из «Толкового словаря живого великорусского языка» (1881).

¹¹⁴ *Диоген* – Диоген Синопский (400 – 325 гг. до н. э.), древнегреческий философ, которого все знают, потому что он жил в бочке.

¹¹⁵ *Тацит* – Гай или Публий Корнелий Тацит (58 – 117), великий римский историк. Многие строки его «Анналов» и «Истории» леденят душу безучастным описанием жестокости человеческой природы.

¹¹⁶ *Оболенские* – старинный русский княжеский род, отрасль князей черниговских, известен с XIII века. Из Оболенских вышел род князей Долгоруковых.

¹¹⁷ *Долгоруков* – Яков Федорович Долгоруков (1659 – 1720), князь, один из знаменитых представителей рода князей Долгоруковых.

ции и Испании, один из первых сподвижников царя Петра I, он провел десять лет в шведском плену, бежал из плена, захватив вражеский военный корабль, в одиночку – что даже представить себе трудно – перебил всю команду фрегата, а потом один – что тоже не поддается воображению – привел его из Швеции в Кронштадт, а став ближайшим советником царя, не боялся говорить необузданному монарху правду в глаза, ссылаясь на поговорку «правда – лучший слуга царю».

Нетерпимый к корыстной наживе, лести и лжи, он слыл образцом старинной добродетели. Но незадолго до смерти бес попутал древнего старика – он согрешил с юной племянницей и плод своей неожиданной любви спрятал в лесных дебрях, в сельце Оболенское Большое.

Косвенно эту легенду подтверждает то, что «Русский Тацит» действительно, согласно разным бумагам, владел сельцом Оболенское Большое, а до него владельцем этого села числился не кто иной, а легендарный Яков Федорович Долгоруков.

По другой легенде «Русский Тацит» был сыном Ивана Долгорукова¹¹⁸, фаворита императора Петра II, брата «государыни невесты» Екатерины Долгоруковой. Родила его княгиня Шереметева¹¹⁹, безумно влюбленная в Ивана, родила до брака, а потом последовала за возлюбленным в Сибирь, оставив сына, спрятанного впоследствии в Оболенском Большом от глаз гонительницы Долгоруковых жестокой императрицы Анны Иоанновны.

После возвращения из ссылки княгиня Долгорукова, урожденная Шереметева, не признала внебрачного сына, уже известного своими язвительными речами и сочинениями, в которых доставалось всем власть предержащим и около властей обретающимся, в том числе и Ивану Долгорукову, обожествляемому княгиней и при его грешной жизни и, тем более, после его трагической кончины.

Третья легенда самая необычная. Она появилась позже двух первых и распространялась недоброжелателями «Русского Тацита». Легенда эта, восходя к библейской простоте народных сказаний, повествует, что будущий обличитель пороков государства российского рожден дочкой деревенского старосты в Оболенском Большом от местного неотразимого Париса, вопреки воле родителей, которые хотели выдать ее замуж за богатого соседа. И чтобы скрыть сие нередкое в естественном движении юных сердец преступление, младенца объявили сыном князя, гонимого властями.

Какая из легенд ближе к истине, никто уже не узнает, фактом остается только то, что родители «Русского Тацита» неизвестны, а сельцо Оболенское Большое является его родовой вотчиной. Вырастили его собственные крестьяне. Десяти лет они привезли его в Петербург, так как полагали, что князь должен жить в столице и его нужно обучать наукам, приличествующим его чину и званию, а также обхождению и манерам, соответствующим его происхождению.

На окраине города они купили крошечный участок земли и построили двухэтажный деревянный дом, напоминавший терем, наняли гувернеров и учителей. Юный князь, с первых лет жизни поражавший своих крестьян умом и сообразительностью, обнаружил необычайные способности к учению. И если бы не строптивый характер и непомерная язвительность, князь мог бы сделать карьеру, особенно при дворе Екатерины II.

Но вместо этого миру явился «Русский Тацит». По слухам, он писал «Историю нравов в государстве Российском», взяв за образец «Тайную историю» Прокопия Кесарийского,

¹¹⁸ *Иван Долгоруков* – Иван Алексеевич Долгоруков (1708 – 1739), князь, фаворит императора Петра II Алексеевича, ловко обошел всесильного Меншикова и вволю повеселился вместе с Петром II, за что потом и потерпел в Сибирской ссылке, пока не был колесован.

¹¹⁹ *Шереметева* – Наталья Борисовна Шереметева, в замужестве Долгорукова (1714 – 1771). Страстно полюбила своего мужа Ивана Долгорукова – см. прим. выше – распутного красавца, и последовала за ним в Сибирь, хотя могла отказаться от брака, опала настигла ее жениха, когда она была только помолвлена с ним. После смерти мужа постриглась в монахини и написала «Своеручные записки», которые издал ее внук спустя семьдесят лет после смерти своей бабушки.

раскрывшего безобразия византийского двора. Отдельные части этого сочинения ходили по рукам, напечатать его было, конечно же, немислимо.

Кроме того, «Русский Тацит», называемый также «Новым Диогеном», прославился устными обличениями, их боялись все – даже Карл Долгоруков, потому что «Новый Диоген» язвил не только пороки, но и простительные слабости и даже внешние недостатки физиономии. Одно время «Новый Диоген» почитался достопримечательностью столицы, но со временем он всем надоел, кроме нескольких горячих поклонников и поклонниц, прятавших главы его сочинений и хранивших их для потомков. В обществе же его стали называть «Юродивым князем» и даже «Шутом».

Никто толком не знал, сколько князю лет – видимо, больше семидесяти. Жил он почти в нищете, на деньги, присылаемые из Оболенского Большого, крестьяне старались содержать своего князя, но крестьян этих было меньше сотни. Питался князь почти только тем, что ему доставлялось из Оболенского Большого. А между тем, несмотря на свою простоту нравов, он чрезвычайно любил пить дорогой кофий, и вообще всякого рода деликатесы, в том числе и заморские, исключая вина и крепкие напитки. Одевался князь просто, можно сказать, бедно, но опрятно, и в баню ходил через день.

Внешне это был маленький сухонький старичок, седой, с приятным живым лицом, очень подвижный и необычайно говорливый. Говорить он мог часами, даже днями напролет, без сна и отдыха, столько, сколько в силах выдержать слушатели.

Но более всего поражала его осведомленность обо всем и обо всех. Он знал абсолютно все тайное и скрытое, казалось, ему известны даже сокровенные мысли и секреты всех тех людей, чьи дела составляли историю государства Российского и сопредельных стран.

Вот у него-то Карл Долгоруков и хотел узнать: и кто такой Соколович, и что может произойти в ближайшее время между восседающей на российском престоле матерью-императрицей и ее сыном, великим князем, об этом престоле мечтающим.

«Родственничек» был беден, всегда голоден и откликался на любой зов, и за чашку дорогого кофию мог болтать до тех пор, пока его не уймешь и не спровадишь восвояси. А за пару фунтов кофию, обещанных ему с собой, он готов выдать все сокровенные мысли и сведения, припасенные им для своего сочинения, которое должно досадить всем сильным мира сего и дать «Русскому Тациту» пропуск в вечность, где Геродот¹²⁰ и Ювенал¹²¹ уже держали ему местечко рядом с собой.

¹²⁰ *Геродот* – Геродот (490/480 – 425 гг. до н. э.), древнегреческий историк, отец истории.

¹²¹ *Ювенал* – Децим Юний Ювенал (60 – 127), римский поэт-сатирик, суровый бичеватель пороков.

15. РУССКИЙ ТАЦИТ

*Век живи, век учись*¹²².

Русская пословица.

Прокопий привез «Родственничка» после обеда, чтобы не сбивать распорядок дня. Карл Долгоруков обедал рано, потому что никогда, даже если картежная игра затягивалась за полночь, не просыпал утро и вставал со светом. Для «Родственничка» время обеда не имело значения, ел он, как утка, много и без разбору, пользуясь случаем, не обращая внимания на сотрапезника.

Он вбежал в комнату, не дав Прокопию доложить. Карл Долгоруков поднялся ему навстречу.

– Ах, Бог ты мой, Карлуша! Как хорошо ты догадался послать за мной! Как ловко придумал! Здравствуй, здравствуй, милый!

«Родственничек» знал, что Карл Долгоруков не любит, когда его называют Карлом Ивановичем, а уж Карлушей и подавно, но называл его так, чтобы позлить. Карл Долгоруков тоже знал, что «Родственничек» не упустит ничего, что могло бы как-то уязвить собеседника.

– Дай обниму тебя, Карлуша, – старик обнял Карла Долгорукова, испытывая удовольствие от сознания, что тому это тоже доставляет неприятность, как и уменьшительное немецкое имя, и тут же присел к столу, – ты ведь не любишь обниматься, Карлуша, я ведь знаю, ты ведь немец, ну, только наполовину, шучу, шучу, Карлуша, русский, русский ты, а ведь ты и русских не любишь. Ах, какой аромат!

На краю небольшого столика, уставленного тарелками с осетриной, окороками и заморскими фруктами, стоял открытый полотняный мешочек с зернами кофе.

– Где же Прокопий? Принес бы чашечку кофию, – спросил «Родственничек».

И словно по его призыву открылась дверь, вошел Прокопий с подносом, на котором дымились пять чашек кофию, заваренного самым лучшим образом. Карл Долгоруков тоже любил кофе, но пил его раз в день, после обеда, чтобы побороть природно-русскую привычку вздремнуть после еды. «Родственничек» же пил этот непривычный для русского вкуса напиток в любых количествах, вприкуску с осетриной и вообще с чем угодно, и столько, сколько удавалось заполучить. Окинув взглядом стол, он продолжил:

– По-царски принимаешь, Карлуша, по-царски. Ты не серчай, что я тебя Карлушей величаю, это я по-родственному, мы ведь «родственнички» – он знал, что Карл Долгоруков называет его «Родственничком» и язвительно возвращал ему это прозвище. – Спасибо, спасибо, друг мой, уважил старика, – он отхлебнул из чашки, – я ведь люблю поесть и кофий страсть как люблю, чревоугодничаю при случае, потому как беден. Беден как церковная крыса! Крыса в церкви – по стене идет, аки поровну, по потолку – вниз головой идет, а ради чего? Чтоб добраться до подсвечника и обглодать его с остатками от сгоревшей сальной свечки! Бедность, друг мой, бедность! Ей, этой крысе, бедолаге кушать хочется. И представь, крыса-то эта церковная, голодная – в темноте идет, по одному запаху. Ах, какой аромат, Карлуша! – старик наклонился к мешку с зернами кофе. – И это все мне? Сокровище, поистине сокровище, ну, говори, что же ты из меня хочешь вытянуть? Да здесь фунта два будет, – он приподнял мешок, еще раз вдохнул аромат и, завязав мешок, подвинул его поближе к себе. – Ну так о чем тебе рассказать, Карлуша? Что поведать?

«Родственничек» прекрасно понимал, для чего Прокопий привез его к своему барину, а тот приготовил ему стол с царскими закусками, да еще и фунта два драгоценного кофию

¹²² *Век живи...* – Источник не установлен.

с собою в придачу. Карл Долгоруков тоже никогда не разводил с ним церемоний и, кивком головы отпустив Прокопия, спросил:

– Кто такой Соколович?

– Соколович?! – удивленно воскликнул старик. – Эх, куда хватил, друг мой! Соколович!

Это, братец ты мой, такой человек... Опасен, опасен! Уж не на поединок ли ты его хочешь вызвать? Остерегись! Ежели чего не поделили – уступи.

– Откуда он взялся?

– Из орловских.

– А каких родителей?

– Родителей не знаю. Мать в монастырь ушла, а он рос при тетке. В корпусе обучался. Тетка его – помещица, из старинных кровей. Мужа ее не припомню. Сыновья ее с тобою вместе Фридриха¹²³ воевали. Крепко вы тогда побили немца. Немец ведь тогда хорош, когда бит. Тогда он смирный. Немца бить нужно, это ему всегда впрок. Не приberi они тогда Лизавету, не стать бы и Пруссии королевством. Соколович у тетки племянник, сыновья ее не вернулись с войны, немец, он ведь тоже не упустит укокошить человека, ему только дай... А тетка его, Соколовича, видать не так и проста... Перекусихиной¹²⁴ она свояченица... Или свойственница... А Перекусихина, она ведь откуда взялась... – старик сделал паузу, явно ожидая ответа от Карла Долгорукова.

– Откуда же она взялась? – переспросил Карл Долгоруков, понимая, что этот вопрос «Родственничек» задал риторически, чтобы самому же на него и ответить, но уже воодушевляясь отсутствием ответа у собеседника.

– А Перекусихина взялась ниоткуда, – назидательным тоном завершил риторическую фигуру речи старик, и, подняв вверх указательный палец, заключил. – Ох как опасны люди ниоткуда! Они, Карлуша, друг ты мой, братец ты мой, как пузыри земли¹²⁵. Возникают сами собой. А коли они возникают, так, значит, нужны для какой-нибудь каверзы.

– При чем здесь Перекусихина?

– Не знаю. Может, и ни при чем. Только она ни за кого словечка не замолвит. А она у Катеньки – верный пес, как у тебя, скажем, Прокопий. Ей бы Катенька ни в чем не отказала. Могла бы поймать – несли бы и везли бы возами. А верной собаке, кроме ласки хозяина, ничего и не надобно. Потому ни за кого и не хлопчет. Кроме брата своего, да тому тоже немного нужно. А за Соколовича похлопотала. В корпус его по просьбе тетушки определила.

– Невелика услуга, – сказал, словно возражая, Карл Долгоруков.

– Невелика, – согласился старик, – да дорог привет, иди попроси у Перекусихиной – полушку не выпросишь.

– Соколович ведь в отставке?

– В отставке.

– И при Шешковском?

– Ну, друг ты мой, братец ты мой, Шешковский. Шешковский сер. Мелкая сошка. Не тот разбор. Кто таков Шешковский? Потемкин его при людях кнутобойцем величает. Запленных дел мастер. Они и раньше-то в чести никогда не бывали. А в нынешние просвещенные времена... Куда там.

– Говорят, императрица жалуется.

¹²³ Фридрих – Фридрих II (1712 – 1786), прусский король с 1740 года, из династии Гогенцоллернов.

¹²⁴ Перекусихина – Марья Саввишна Перекусихина (1739 – 1824), камер-юнгфера императрицы Екатерины II Алексеевны.

¹²⁵ ...пузыри земли... – Здесь «Русский Тацит» и Новый Диоген обнаруживают знакомство с мрачной драмой У. Шекспира (1564 – 1616) «Макбет».

– Жалует, да не с парадного крыльца. Ведь не Вольтер какой-нибудь, и не Дидерот – Шешковский, в хозяйстве надобный, но не более того. Соколович летает куда как выше. Да и никто толком не знает, где. Соколович держится в сторонке. Ко двору не вхож.

– А с Дмитриевым-Мамоновым?

– А что с Дмитриевым-Мамоновым? Дмитриев-Мамонов дружбы ни с кем особо не водит. О себе очень высокого мнения. Трагедии пишет по-французски.

– Были они у меня вместе...

– Это ты про поединок со Свиным? Свиный – дурак, каких свет не видывал. Он и со светлейшим чуть было не задрался. Пойдет Потемкин на поединок со Свиным! А Соколович, он спуску никому не даст. Он его ранил на поединке-то, для острастки, а мог бы не шутя и жизни лишить. Нет, Соколович ни с кем не заедино. Сам по себе. Одно слово: сам по себе. Поэтому и думаю я... Сдается мне: масон.

– На масона не похож, – покачал головой Карл Долгоруков.

– Я не про тех масонов, о которых ты подумал. Не про наших чернокнижников. Он, думаю, из тех, кто повыше. Из тех, что подсидели английского короля... Которые Фридриха держали... И Америку к рукам прибрали...

– Это из тех, которые правят миром? – с тенью насмешки спросил Карл Долгоруков.

– Из этих самых, Карлуша, – уверенно подтвердил старик.

16. АХ, ВОТ ТЫ О ЧЕМ!

*Запретный плод сладок¹²⁶...
Русское народное присловье.*

Карл Долгоруков когда-то в молодости интересовался масонами, но довольно быстро разочаровался в них. В то, что существуют какие-то другие масоны, более высокого ранга, Карл Долгоруков не верил – уж очень много на этот счет домислов, похожих на сказки. «Родственничек» любил поболтать о масонах, поэтому Карл Долгоруков, которого и без того раздражало пустословие и говорливость старика, перевел разговор на другую тему.

– Слышал ли ты, что Екатерина хочет лишить великого князя престола и завещать все внуку – Александру¹²⁷?

– А как же, слышал. Сынка она не привечает. Потому как не любит его, – тут же с готовностью переключился на эту тему «Родственничек».

– Говорят, он у нее и не от Петра Федоровича...

– Ну, это врут. Павел от Петра, родись он не от Петра, за что бы ей так невзлюбить его. Уж я-то доподлинно знаю – от Петра.

– Откуда же такие точные сведения?

– Брюсиха¹²⁸ сказывала. Когда в подругах ближайших еще ходила, Екатерина ей сама в сердцах сетовала, что именно Петр и влез, когда не надо, она уж сподобилась без него обойтись, а он как дурень, наср...л в кашу, чтоб гуще... От него, да и в него удался, оттого и все нестроение.

– Ну, так что же из этого всего выйдет? – спросил Карл Долгоруков, направляя рассказ старика в нужное русло.

– А что ж выйдет? Подрстет внук – а он всем хорош: и росточком и умом – упрячут они Павла куда подальше...

– А если он не согласится?

– Он-то да, его не уговорить. Целую гольштинскую армию себе завел, с пушками. Мнится ему это, мол, у него, как у Петра-прадеда, «потешные». «Потешные», известно, стрельцов-молодцов вмиг побили. А вот гольштинцы вряд ли одолеют преображенцев и семеновцев. Но дай срок, уговорят Павла, он-то вспыльчив, но простодушен.

– А если Павел... – Карл Долгоруков не стал договаривать.

– Павлу не посылить, – развел руками старик.

– Однако однажды он, кажется, попытался это сделать.

– Ах вот ты о чем, Карлуша! Что ж ты ходишь вокруг да около! Спросил бы сразу – я и рассказал бы тебе все до малейших подробностей! За два-то фунта кофию?! Уж я-то знаю сие, можно сказать, из первых рук, то есть из своих собственных!

– Ты что же, участвовал в заговоре? – удивился Карл Долгоруков.

– Я как-никак причисляю себя к русской партии...

– Но там вроде верховодил Панин?

¹²⁶ *Запретный плод сладок...* – Непосредственный источник не установлен. Видимо, связано с библейской историей о запретном плоде, как многие полагают, яблоке с древа познания добра и зла в первой книге Библии Бытие, глава вторая, стих 16 – 17. Также, возможно, источником послужила строка из восьмой главы романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» – «Запретный плод вам подавай».

¹²⁷ *Александр* – Александр Павлович (1777 – 1825), великий князь, впоследствии император с 1801 года, любимый внук императрицы Екатерины II Алексеевны.

¹²⁸ *Брюсиха* – Прасковья Александровна Брюс (1729 – 1786), жена графа Я. А. Брюса (1742 – 1791), сестра полководца П. А. Румянцева (1725 – 1796), до поры до времени ближайшая подруга императрицы Екатерины II Алексеевны.

– Да, Панин, он-то все дело и погубил. А русская партия тогда примкнула к немецкой...
И славный глава наш поплатился жизнью...

– Кого ты числишь главою русской партии?

– Князя Шумского.

– Не имел чести знать.

– Так ты ведь не жалуешь русскую партию...

– Я партий никаких не жалую. Так в какой же партии оказался Соколович?

– Соколович, как и ты, – партий не жалует. Тогда о нем никто и не слыхивал. Заговор состряпал Панин. Напыщенный ленивый немец. Уж коли ты немец – не ленись. И не глупи. Дураку и лежебоке Бог помогает, только ежели он русский. А немцу надо бы пошевелиться, покряхтеть, попотеть. Панин участвовал еще в заговоре против Петра III. Тот его и в генералы произвел, и орден ему. А он нос воротит. Масон. Ему конституцию подавай. У него малолетний Павел в руках, он через него решил конституцию устроить. Потому и помог Екатерине. У нее-то никаких прав на престол. Значит, Павла – императором, а при нем Панин введет свою масонскую конституцию. Не успел Панин опомниться – Екатерина на престоле. И коронация. А Павел? Павел после совершеннолетия. Придется подождать. Хорошо, Панин со своими немцами ждет. Подходит совершеннолетие – Екатерина – ни-ни. Вот тогда Панин и составил новый заговор.

– Это...

– Это перед Пугачевым¹²⁹. И Потемкин еще не объявился. Но Орловы уже кончились. Панин, чтобы не выплыло дело наружу, не стал собирать много людей. Знали человек десять, не больше. Сам Панин, его секретари – Фонвизин¹³⁰, Бакунин¹³¹. Дашкова знала, она всегда при Панине. Пять подполковников уговорили – кроме них ни одного офицера. Офицерам и полкам решили огласить в последнее мгновение и вести к Зимнему дворцу, мол, совершеннолетие государя – приветствовать и поздравлять. Привести полки взялись пятеро подполковников. Один из них – князь Шумский, глава русской партии. Он думал оттеснить потом от Павла немцев и Панина. А пока, мол, нужно возвести Павла на престол. Утром явиться к Екатерине. Совершеннолетие государя. Под окнами полки. Деваться ей некуда. Великая княгиня Наталья Алексеевна настроила Павла. Сама беременна – от сынка Разумовского. Устройся все, как они задумали – Павла, может, придушили бы, как его батюшку когда-то. Андрей Разумовский – вместо Гришки Орлова. Но все сорвалось.

– Почему?

– Бакунин, секретарь Панина, пошел иудиной дорожкой. Предал, донес Екатерине. Хотел сесть на место Панина в Иностранной коллегии. Он всем иностранным языкам учен. И поанглицки, и по-испански, и по-итальянски может разговаривать. А уж по-немецки – лучше любого немца. И союзы, которые Панин по немецкому своему тугоумию устроил, он задумал расстроить и навести куда как хитрее и с большим толком и пользой. Но донести сподобился в последнюю минуту, накануне вечером. Утром Панин – к Екатерине. Так, мол, и так, сударыня, вы уже не государыня, освободите место моему воспитаннику. А то мне конституцию не терпится провозгласить. Сегодня, мол, совершеннолетие, и Павел законный государь, консти-

¹²⁹ *Пугачев* – Емельян Иванович Пугачев (1742 – 1775), выдавал себя за императора Петра III Федоровича и вполне мог бы им стать, не подведи его ненадежные люди, а так был казнен, сложил буйную голову на плахе. А. С. Пушкин описал его в своем романе «Капитанская дочка».

¹³⁰ *Фонвизин* – Иван Денисович Фонвизин (1744/1745 – 1792) или фон Визин, недообрусевший немец, автор пьесы «Недоросль» про Митрофанушку, которым он хотел уязвить русских и полностью обрусевших немцев, но которые приняли Митрофана с распростертыми объятиями. Служил секретарем у П. И. Панина, был соучеником Г. А. Потемкина, завидовал ему всеми силами души своей, некоторое время был им благодетельствован, но потом Потемкин, благодаря подсказке императрицы, раскусил завистника.

¹³¹ *Бакунин* – Петр Васильевич Бакунин (1732 – 1786), член Коллегии иностранных дел, один из приближенных Н. И. Панина.

туцию уже подписал. И вон войска уже под окнами. Помилуй Бог, какие войска, где войска? Глядь, а войск-то и нету! Так они все разом и сели в лужу. Не вывели подполковники войска! Подполковникам кто-то свернул головы. Прямо в постели! Князь Шумский успел бежать, но тяжело раненный. Умер в своем имении. А четырех подполковников со сломанными шеями из постели – в гроб и в могилу. Павел с перепугу покаялся перед матушкой императрицей. Великая княжна Наталья Алексеевна, возмечтавшая о троне, умерла родами – уж ей-то, наверное, помогли. Андрея Разумовского – послом в Неаполь, повезло, что не в Сибирь. А Панина – вон из дворца. Великий князь совершеннолетний. Зачем ему воспитатель? И шума никакого, ни поисков, ни казней заговорщиков. Все тихо. Кто ж свернул головы подполковникам? А неизвестно. Только сдается мне, Карлуша... – старик поднялся, обошел столик и, наклонившись к уху Карла Долгорукова, громко прошептал, – сдается мне, Карлуша, что головы подполковникам свернул Соколович... Почему я знаю? От кого? Сам догадываюсь. Соколович – больше некому, Соколович... Вот ты и смекай... А Бакунин-то, который их предал... Помнишь, месяц тому назад... Помер... Так в «Ведомостях» сообщили... А на самом-то деле не помер он... Убили его... Кинжалом точно в сердце. Есть такие умельцы – между четвертым и пятым ребром – никогда не ошибутся. И кинжал у них такой есть – лезвие изогнуто, словно змея извивается – вот этим стальным жалом они и убивают... Отступников и предателей... Это у них так заведено... Этим самым кинжалом прямо в сердце, по самую рукоятку. И кинжал не вынимают, чтобы все знали... Вот ведь лет пятнадцать, почитай, прошло и никто не знал, что это Бакунин так ловко скovyрнул Панина... Ему ведь и место панинское не досталось, все равно при немце Остермане¹³² пришлось обретаться. А Бакунин, он, как и ты, Карлуша, немцев тоже не любил. Правда, Остерман не Панин, Остерман в Коллегии как статуя, для вида. Екатерина все сама вершит. А масоны не забыли... Пятнадцать лет искали... И отыскали... И кинжальчиком... Кинжальчик у них такой, специально для этого назначенный... Чтобы другим неповадно... Вот какие дела-то творятся, Карлуша...

«Родственничек» вернулся на свое место, отхлебнул кофе из последней чашки, три он опорожнил по ходу рассказа, и совсем другим тоном закончил:

– А ты бы, Карлуша, с Соколовичем поосторожней. И с поединком, ежели что, не суйся. Он может и без всякого поединка... Некому будет меня, старика, и кофием напоить... Я ведь грешен – и кофию люблю попить, и рыбки поесть...

Но рассказ старика не испугал Карла Долгорукова. Он еще больше почувствовал интерес к Соколовичу. Неожиданно возникающие отношения с ним представились ему не поединком, не вторжением непрошенного гостя, а какой-то шахматной партией. Он не знал, чем эта партия может закончиться. И, поддаваясь невольному азарту, сделал ответный, вынужденный ход, утвердился в решении представить молодого Костеникина графу Ростопчину.

«Посмотрим, что дальше, – думал Карл Долгоруков, – как сложится игра... Вполне возможно, ход за ходом возникнет интересная комбинация... Какая? Непонятно, но, вполне возможно, интересная». Впервые за многие годы Карл Долгоруков заинтересовался людьми и их делами.

¹³² *Остерман* – Имеется в виду граф Иван Андреевич Остерман (1725 – 1804), сын А. И. Остермана. Хотя он и считался главой Коллегии иностранных дел, но в истории остался известен только необыкновенною рассеянностью.

17. БЛИЖЕ К ДЕЛУ

*Не учи ученого*¹³³.

Русское народное присловье.

А тем временем Соколович у себя на квартире давал последние наставления беспечному де Костени. Николя на этот раз решил крепко стоять на своем и не поддаваться ни на какие хитрости и плутни петербургских туземцев, твердо держать цену в пятьдесят тысяч за документ, от него ведь зависит судьба императора России, а то и судьба мира, если великий князь Павел Петрович, имея случай, прислушался бы к советам, которые мог бы подать ему де Костени до отъезда в Париж. Но прежде всего нужно продать этот самый документ и получить пятьдесят тысяч, и, конечно же, золотом, только полновесной монетой и никаких ассигнаций.

– Итак, еще раз напоминаю: обо мне ни слова нигде и никому. Мы не встречались и никогда не виделись, даже издали в кругу знакомых, и вы не слышали моей фамилии – ни от маркиза Мериме, ни от кого-нибудь другого. Вы интересуетесь автографами, к вам случайно попало письмо императрицы, проданное секретарем или слугой барона Гримма, вы не знаете, когда и кем, до вас оно дошло через третьи руки коллекционеров. Запомнили? Через третьи руки, лично вы ни с кем не знакомы!

– Да, да, – понимающе подтвердил юноша.

– Вы, зная обстоятельства в России, поняли, что письмо это имеет более важное значение, чем простой автограф, а значит, и соответствующую цену.

– Я прекрасно понимаю цену, – перебил де Костени, но Соколович не обратил внимания на его слова.

– После смерти отца... – обязательно упомяните об отце, и обязательно скажите, что он уже умер.

– Зачем? При чем здесь мой отец?

– Имя вашего отца известно здесь, в Петербурге, многие его помнят, он оставил по себе память, хотя и не самую лучшую. Думаю, и Ростопчин знает его имя. И оно вызовет доверие к вам. Поняв, что вы сын человека, о котором все знают, вас в меньшей степени будут принимать за агента Тайной экспедиции. А то, что вашего отца нет в живых, успокоит на предмет огласки среди его старых знакомых, кстати, упомяните, что вы никого не знаете из его старых знакомых. Итак, после смерти отца у вас возникла необходимость в деньгах и это единственная причина вашего желания продать этот документ.

– Да, это единственная причина. Но я мог бы, если бы великому князю угодно, объяснить ему...

– Забудьте об этом! – раздраженно перебил Соколович, юноша мог вывести из себя даже человека с такими железными нервами, как у Соколовича, – если вас заподозрят в желании впутаться в политические интриги, это, во-первых, отпугнет Ростопчина и любого другого покупателя. Хотя никаких других покупателей я не могу себе представить. Великий князь очень осторожен. Он окружен шпионами и никому не доверяет, кроме Ростопчина. Великий князь стал очень подозрительным и это не способствует общению с ним. Во-вторых, не забывайте, что политические интриги обычно заканчиваются – в вашей родной Франции – в Бастилии, а у нас – в подвалах Тайной экспедиции. И это очень пугает меня. Я боюсь, что в таком случае вам не удастся под пытками сохранить в тайне мое имя. Я предпочел бы показаться неблагодарным перед рекомендовавшим вас маркизом Мериме, чем стать жертвой вашей увлеченно-

¹³³ *Не учи ученого* – Источник не установлен.

сти политикой. Насколько я помню, с начала нашей встречи речь шла только о коммерческом предприятии...

«А с виду такой грозный господин, – подумал Николя, – и тем не менее – трусоват», – но вслух воскликнул:

– О, конечно, только коммерческое предприятие!

– Итак, – наставительно продолжал вдалбливать Соколович, – вы приехали в Петербург, чтобы продать этот документ с единственной целью – вам срочно нужны деньги.

– О да!

– Вы ни с кем не знакомы. У вас нет никаких связей.

– О да!

– И вы решили посетить общество, обычно собирающееся у князя Долгорукова, так как хотели из разговоров за картами узнать, кто мог бы заинтересоваться вашим документом. Вы представились князю Долгорукову и он принял вас как человека, прибывшего из Парижа и желающего провести вечер в компании любителей картежной игры. А услышав, что Ростопчин известен близостью с великим князем, вы попросили Долгорукова представить вас Ростопчину. И князь Долгоруков оказал вам эту светскую любезность, как приличному человеку, принятому в круг играющих. Князя Долгорукова вы не уведомили о цели вашего приезда. Письмо императрицы ему не показывали. Ну, а дальше – если Ростопчин согласится обсудить с вами вопрос о покупке письма – дальше все зависит от вас. Не забывайте о разумной цене. Ростопчин не Потемкин, он – по крайней мере пока еще – не имеет возможности швырять деньги, не задумываясь об их количестве.

– Может, мне лучше предложить это письмо Потемкину? – вдруг загорелся неожиданной мыслью Николя.

– Это как вам угодно, – холодно ответил Соколович, – в таком случае я не могу вам чем-либо содействовать, так как не имею чести входить в число пресмыкающихся перед этим великим царедворцем. К тому же он сейчас далеко. Конечно, вы могли бы поехать на юг...

– Нет, это ведь потребует времени...

– Зато вы могли бы помочь светлейшему князю по части планов будущей кампании против Турции и осады Константинополя. И хороший совет не помешал бы князю.

– Если бы князь приехал в Петербург... Один мой знакомый готовил к изданию сочинение маршала Вобана¹³⁴. Взятие крепостей – это искусство. Нужно знать правила, – Костени всерьез принял насмешливый совет Соколовича.

«О Боже, я становлюсь язвительным, – подумал Соколович, этот юнец кого хочешь доведет», – и не в силах удержаться добавил:

– Когда князь приедет в Петербург, я дам вам знать прямо в Париж. Но, по-видимому, это случится не скоро. А что касается вашего документа, то, насколько я знаю, князь ни в грош не ставит великого князя и вряд ли станет хлопотать о том, чтобы передать ему документ, который мог бы его заинтересовать.

– Совершенно напрасно. Князю следовало бы подумать о своем будущем, – сказал Николя, но Соколович не дал ему развить мысль.

– Молодой человек, – едва сдерживаясь сказал Соколович, – подумайте о своем будущем. Потемкину ваши бумаги не нужны даже на подтирки.

Эта грубость отрезвила Николя, готового блеснуть знанием тонкостей российской политики и перспектив дальнейшей судьбы светлейшего князя Потемкина, о котором Николя однажды слышал в Париже в кругу друзей, составлявших ему компанию в лучшие времена, когда у него водились деньги.

¹³⁴ *Вобан* – маркиз Себастьян Ле Претр де Вобан (1633 – 1707), маршал Франции, военный инженер, основоположник новейшей фортификации, автор проектов трехсот крепостей, основоположник минно-подрывного дела.

– Возможно, ваши бумаги не покажутся стоящими внимания и Ростопчину, – жестко продолжил Соколович, чтобы вернуть увлекающегося юношу к тому делу, для которого его и вытащили из Парижа, – тогда мой вам совет: немедленно уезжайте из России, пока вашей персоной не заинтересовался господин Шешковский.

– Кто такой господин Шешковский? – спросил Николая.

– Полагаю, в столице Франции личность малоизвестная. Он не посылает, как Потемкин, курьеров за устрицами в парижские рестораны. Но в Петербурге его знают все. От одного его имени у людей стынет кровь в жилах. Сейчас он занимает весьма высокий пост главы Тайной экспедиции. А вышел, по слухам, из простого кнутабойца. Говорят, будучи в расцвете сил, одним ударом кнута он рассекал человека пополам, как казак шашкой. Однако давайте вернемся к делу. Если вы по-прежнему хотите встретиться с Ростопчиным...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.